

СНАЗНИИ

ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Людмила Кузнецова - Логинова

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Людмила Кузнецова-Логинова

**Легко ли быть человеком.
Сказки для взрослых**

«Спорт»

2011

ББК 47.2

Кузнецова-Логинова Л. Ф.

Легко ли быть человеком. Сказки для взрослых /
Л. Ф. Кузнецова-Логинова — «Спорт», 2011

ISBN 978-5-904885-20-5

Вернуться в детство, когда близко к сердцу принимаешь любую несправедливость и от всей души радуешься победе добра над злом, окунуться в волшебный мир сказок, по-новому взглянув на некоторые хорошо знакомые сюжеты и сопоставив их с реальной, не всегда привлекательной действительностью, сможет каждый, кто прочитает эту замечательную книгу.

ББК 47.2

ISBN 978-5-904885-20-5

© Кузнецова-Логинова Л. Ф., 2011
© Спорт, 2011

Содержание

От автора	5
О волке и козе	6
О гусенице	11
О дереве	17
О душе	30
О зернышке любви	39
О красоте	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Людмила Кузнецова-Логинова

Легко ли быть человеком.

Сказки для взрослых

Моим внукам посвящается

От автора

Кто из нас в детстве не увлекался сказками, кто не имел любимых героев, не сопереживал им и не кипел праведным гневом, сталкиваясь со злом, коварством, бесчестностью и подлостью! С годами мы, к сожалению, теряем этот детский запал и уже спокойно реагируем на все проявления низких качеств человеческой души, которые, увы, нередко в нашей взрослой жизни и которые порой, к нашему стыду, демонстрируем мы сами. Мне очень бы хотелось соединить то, что в реальности почти не соединимо, а именно – детскую чистоту и непосредственность восприятия окружающего и своего отношения к нему с жесткими, а порой и жестокими законами нашего земного бытия. Форма сказок, как мне кажется, одна из лучших возможностей хоть как-то приблизиться к данной цели. Получилось у меня или нет, судить читателю, я же хочу сказать одно – писались сказки с любовью, и эту любовь я дарю всем, кто коснется страниц книги.

О волке и козе

Ах, как примитивно начиналась эта совсем не примитивная история. В обычном лесу жил-поживал обыкновенный волк. Серый, поджарый, молодой и сильный. Ничем он не выделялся в своей стае, волк как волк! И совсем не стоило о нем писать, если бы не приключившаяся с ним история, которая и сделала его героем одной романтической сказки.

Рыскал он однажды, злой и голодный, по лесу и выскочил на залитую солнышком поляну. А надо сказать, что дело было буйной весной, когда распустилась первая нежная зелень деревьев, желтели в траве головки одуванчиков, а сама трава лежала шелковистым, сочным ковром, приглашая поваляться на своем бархате. Пели соловьи, жужжали деловитые пчелы, и летали майские жуки. И если ко всему этому добавить кружащие голову запахи цветения и весенней свежести, то получится точная картина мая, узнаваемая даже без аромата ландышей.

И вот среди всего этого великолепия всевластной весны увидел волк на лесной поляне козу. Да, да, самую прозаическую и, я бы сказала, обыкновенную козу. Но это я бы сказала, а вот волк... Он сначала так же подумал и уже хотел было выскочить из кустов, считая козу своей законной добычей, но что-то его остановило. Замер он в кустах, притаился, во все глаза глядя на нее. Уж на что он коз перевидал (сколько их полегло в его желудок), но такую красоту видел в первый раз.

Коза и впрямь была хороша. Молоденькая, дивно стройненькая, с переливающейся на солнце, словно снег, кипенно-белой шелковистой шкуркой. Спокойно и неторопливо щипала она первую сочную травку, задумчиво поводя вокруг огромными сияющими глазами, опущенными стрелами ресниц, а на лбу у нее чуть выделялись маленькая, черненькая звездочка и крохотные рожки. В общем, прелесть как хороша и чудо что такое. Волк залег в кустах, прижался к земле и смотрел на нее, не отрывая глаз. А коза, ничего не подозревая, ела себе травку и спокойно переходила с одного места на другое, где та травка была повкуснее да посочнее. На шее у нее тоненько и нежно звякал крохотный колокольчик. И звон этот проникал волку в самое сердце.

Сколько времени вот так прошло, сколько волк пролежал в кустах, забыв про голод, он и сам не знал. Но вдруг на поляне появилась какая-то женщина, ласково позвала козу, и та весело и радостно к ней подбежала. Минута – и они исчезли с поляны, оставив волка лежать в кустах в великой задумчивости. И что удивительно, вместе с козочкой с поляны ушло солнце, лес погрузился в полумрак, потянуло сыростью, и волк явно ощутил, что он очень голоден. Но поживиться в этот день было абсолютно нечем, однако, как ни странно, это не испортило ему настроения, что непременно случилось бы в прежние дни. Напавшая на него задумчивость оттеснила страдания от голода, и он вернулся в свое логово в состоянии покоя и умиротворения, которое было ему прежде незнакомо.

Рано утром на следующий день он снова отправился, сам не зная зачем, на ту поляну. Козочка была уже там. Жизнерадостная и подвижная, она весело и радостно скакала по поляне, грациозно потряхивая колокольчиком, нежный перезвон которого опять проник волку в сердце. И опять ему хотелось до бесконечности смотреть на очаровательную козочку, а потому он неподвижно лежал в кустах с одним желанием, чтобы день никогда не кончился. Но, к сожалению, всему приходит конец, пришел конец и этому замечательному дню. Снова появилась женщина и увела свою козочку с поляны, а волк голодный направился к себе, но как и вчера, это не только не испортило ему настроение, но он как бы даже не замечал, что брюхо сильно подвело.

Вот так и повелось. Кое-как проглотив по дороге на поляну какую-нибудь мелкую живность, еле-еле заморив червячка, волк целыми днями, сам того не замечая, любовался козой.

И вскоре он уже и вовсе не мог без этих, таких необычных встреч. Хотя встречи – это громко сказано. Коза даже не подозревала, что весь волшебный месяц май, когда такая необыкновенно вкусная трава и столько чудес вокруг (и первоцвет деревьев и кустов, и полезность желтеньких головок будущих шаров – одуванчиков, и младенческая сочность подорожника), за ней пристально и неотрывно наблюдает самое страшное для нее животное из всех живущих на свете – серый волк. Вот уж точно по пословице: чем меньше знаешь, тем крепче спишь. А потому молоденькая козочка и спала крепко, и ела на славу.

Волк же совсем извелся. Ему уже мало было просто, лежа в кустах, любоваться козой. Ему необходимо было с ней общаться. И что удивительно, непроизвольно повторяя жевательные движения козы, волк наперекор всей волчьей природе, не замечая того, сам начал есть траву. Он жил уже в каком-то угаре, различая смену дня и ночи только тогда, когда козочку то уводила женщина и, значит, надо было ложиться спать, то она появлялась на поляне и, значит, был полный невообразимого счастья день. Наблюдая за ним, даже самый последний недотепа догадался бы, что волк отчаянно влюбился. Сам же он очень удивился бы, если бы кто-то ему об этом сказал.

Все на свете подвластно любви, все знают о ее страшной силе и коварстве, но кто может этому противостоять, кто видит невидимые сети и способен в них не попасть? А тут еще и май с его колдовской силой, май – месяц влюбленных. В общем, волк оказался не исключением. Вот уж кто точно теперь мог подтвердить, что любовь зла, полюбишь и козла, в нашем случае – козу. Но однажды, привычно прибежав к поляне, волк не увидел прелестницу. Он так и эдак менял позицию в кустах, но, увы, это не было обманом зрения, козы действительно не оказалось на поляне. Что тут началось! Волк выл, рычал, рвал зубами траву и рыл когтями землю. Почему, ну почему он за все это время не познакомился с козой, а теперь она исчезла и ему никогда ее больше не увидеть. От этой мысли у волка чуть не остановилось сердце, и он серьезно испугался, что сейчас просто умрет от горя. А что это горе из горя, он вдруг мгновенно понял, вот почему ему стало страшно за будущее. Надо было найти козу во что бы то ни стало.

Уговорив себя, что завтра он ее обязательно отыщет, волк побрел в свое логово. Всю ночь оттуда раздавался протяжный и надрывный вой, видимо, волк за все это время не сомкнул глаз. А едва забрезжил рассвет, он уже был на ногах и крадучись приближался к деревеньке, что прилегала к самому лесу.

Маленькая, чистенькая, зажиточная – она веселила сердце и радовала душу ровными рядами богатых изб, возделанными огородами, прочными хозяйственными постройками и плодовитыми садами. Но все это мало радовало волка. Он неутомимо рыскал вокруг в надежде повстречать свою чаровницу. Казалось бы, дело совсем безнадежное, но влюбленным помогают Небеса. За одним из бесчисленных огородов (кто бы мог подумать?) он приметил белоснежное пятнышко. Рванувшись к нему, волк нос к носу столкнулся с предметом своих грез.

От испуга и неожиданности коза сомлела, ножки ее подкосились, глаза закатились, и почти без чувств рухнула она на траву. Волку тоже было очень и очень не по себе. Впервые видеть свою мечту так близко – это не для слабонервного. Волк закачался, но устоял на ногах. Да ему в эти минуты не до себя и было: козочка нуждалась в помощи, и нужно было действовать без промедления. Волк смотался к пруду, что, к счастью, находился рядом, набрал в пасть воды и вылил ее на козу. Козочка вздрогнула, вздохнула и открыла глаза. Волчья морда, склонившаяся над ней, чуть снова не повергла ее в беспамятство, но что-то было в этой морде, а главное, в глазах, горящих от сочувствия и жалости к ней, и ей почему-то стало спокойно.

Как прошли эти первые минуты – оба до конца своих дней не могли вспомнить, но по прошествии их коза уже веселилась от дурачеств волка. А он развернулся вовсю: кувыркался на траве, прыгал через канаву и пулей влетал на мостик, с которого вмиг исчезла стая гусей, чего наши герои даже не заметили. Но, как мы уже говорили ранее, всему приходит конец, а потому и этот замечательный день не мог длиться вечно. Волк исчез за плетнем и залег в высокой траве, когда услышал шаркающие по тропинке шаги. Женщина спешила за своей козочкой, но в этот вечер та не так радостно и весело бросилась к ней, а по дороге до дому все время почему-то оглядывалась, чем привела хозяйку в совершенное недоумение. Оно еще больше возросло, когда сцена начала повторяться. Козочка каждый вечер шла домой грустно и неохотно. Она уже не бежала, радостно блея, навстречу хозяйке, не позвякивал звонко и нежно ее колокольчик. Наоборот, она стала прятаться, когда издали видела идущую за ней женщину, упиралась всеми копытами, а однажды случилось непредвиденное.

Пришла хозяйка за козочкой, а той и след простыл. Только обрывок веревки, привязанный к колышку, остался да валяющийся в траве колокольчик. Горе хозяйки вряд ли поддается описанию, ей сразу стало ясно, что бедняжку утащил в лес волк, поскольку уже несколько дней поговаривали в деревеньке, что неладное что-то творится. Собаки надрываются лаем во всех дворах, а домашние животные от страха жмутся друг к другу и поближе к людям, а тут еще всезнающие мальчишки видели волчьи следы, ведущие к огороду хозяйки козы. Так что сомнений по поводу судьбы молодой козочки ни у кого не было.

Так и сгинула та почти бесследно для деревни, зато теперь ее все время стали видеть жители леса. На их безмерное удивление рядом с ней постоянно находился серый волк. Он же и оберегал козочку от всех неприятностей, какие только могли с ней приключиться. Парочка постоянно о чем-то перешептывалась, держалась подальше от обитателей леса и жила своей особенной жизнью, ни с кем ни в какие контакты не вступая. Они даже и не замечали, как настороженно и неодобрительно за ними наблюдают. Всех снедало любопытство, о чем они постоянно беседуют так увлеченно и отстраненно от окружающих. А тема их бесед была одна – любовь. Влюбленный волк говорил козочке:

– Я так тебя люблю, что готов перевернуть весь лес, чтобы добыть тебе что-нибудь вкусненькое! Ты не верь, когда слышишь обо мне плохое, я тебе не причиню зла. И кто это придумал, что волк обязательно должен есть мясо? Ради тебя я готов питаться одной травой.

И в подтверждение своих слов волк рвал зубами сочную зелень, жевал ее и проглатывал. Козочка улыбалась, но качала недоверчиво головой:

– Нет, нет, мы не можем быть вместе, где это видано, чтобы волк с козой были парой? Как я могу тебе доверять, когда все ваше племя враждебно нашему? Во всех сказках, во все времена только это и написано у всех народов. Что касается жизни, то и того хуже. Сколько коз задрали волки у нас в деревне? А в других деревнях? И не счесть. Так что лучше уж нам сразу расстаться.

– Ах, – пугался волк, – что ты такое говоришь? Да я жить не могу без тебя. У кого в целом мире есть такие чудесные рожки и такая очаровательная звездочка на лбу? А твоя

шерстка! Да она нежнее и белоснежнее снега. А твои замечательные глаза – они такие черные, как ночь на юге, и ресницы, словно камыш у озера, – густые, длинные, чуть изогнуты дугой. Ни у кого я не видел никогда и близкого подобия твоей красоты, и любоваться этой красотой мне просто необходимо каждый день и всю мою жизнь.

Ну что на это ответить, что сказать? Козочка не знала, а впрочем, я уверена, что и более опытная красotka здесь бы растерялась.

– Как мелодичен твой голосок, – между тем продолжал потерявший голову волк, – как изящно ты щиплешь травку, да и вся ты такая стройная, грациозная, просто чудо. Глаз от тебя оторвать нельзя.

Козочка слушала, отмалчивалась, а потом вдруг вздыхала:

– Нет, нет, нам нельзя быть вместе. Что скажут твои родичи, как будет против моя родня? Мы не должны об этом забывать.

– Что мне мои родичи, что мне до всех лесных жителей, да гори весь лес синим пламенем, мне нет до него никакого дела. Давай я раздобуду шкуру козла, надену ее ради тебя и пойду жить к твоим в стадо. Я никогда не сниму эту шкуру, никогда не вылезу из нее и не выдам себя. Даже клочка моей серой волчьей шерсти не выглянет из-под нее, чего бы это мне ни стоило. Я буду таким же козлом, как все твои сородичи.

– Козлом надо родиться, – грустно говорила на это коза.

Но волк с жаром продолжал:

– Я докажу тебе, что это не так. Вот увидишь, я стану своим в стаде, я буду жить как надо, лишь бы быть с тобой, лишь бы твоя родня меня приняла и тебе за меня не было стыдно. Любимая, я буду тем, кем хотелось бы тебе, я буду делать все, что, по-твоему, я должен был делать, и я буду там, где хочешь ты. Все везде и всегда будет так, как ты хочешь. Вся моя жизнь принадлежит тебе, и если я не родился козлом, я стану им по твоему желанию. Если же ты от меня откажешься, я умру. Ни одного дня, часа, минуты не хочу я и не могу прожить без тебя, потому что вся моя жизнь – это ты.

Ну как вам нравятся такие речи, и чье сердце так очерствело, что не отозвалось бы на такие чувства? Наша козочка была очень мягкая, нежная, чувствительная. И ей до слез было жалко волка, но и страшно тоже было. Потому как, действительно, где ж это видано, где ж это слышанно – коза и волк. Что было делать, и что бы сделали на ее месте вы? Не правда ли, каждому хочется быть на зависть всем любимым вот так? А будущее и страшилки – сказки, да и Бог с ними. Кто его знает еще – это будущее, а сказки можно написать и другие, да и вообще, при чем тут сказки?

И коза осталась с волком! Нет, они не ушли жить к ее родне в стадо, коза, конечно же, не захотела, чтобы волк надел козью шкуру и прожил жизнь козла. Сама она тоже не желала иметь что-либо общее с его кланом, кажется, она даже не захотела с ними знакомиться. Что касается прочих обитателей леса, то их парочка сторонилась, жила обособленно и отчужденно, а потом и вовсе исчезла из этих краев и куда подевалась – не знал никто.

Спустя много лет кто-то говорил, что в дальних местах видел престарелую, престрашную, но дружную пару – волка и козу, кто-то вспоминал, что встречал старую, одинокую козу, без волка, а кто-то утверждал, что спустя время волк ее просто съел.

Так что конец этой истории выбирайте сами и такой, который соответствует вашему жизненному опыту, знанию зоопсихологии и вашему представлению и пониманию того чувства, которое называется – ЛЮБОВЬ!

О гусенице

На зеленом листочке, только-только распустившемся из почки, клейком и нежнейшем, сидела молоденькая, мохнатенькая гусеница, сливаясь своей зеленой окраской с самим листочком, который она в упоении грызла.

День был чудный, солнечный, все вокруг цвело, пело, радовалось жизни, и гусеница вместе со всеми наслаждалась и вкуснейшей сочной мякотью листочка, и пением птичек, которых в то же время опасливо сторонилась (не дай Бог заметят и сожрут), и щедрым солнечным теплом. И в ней все ликовало и пело, и она была малой частицей матушки-природы, а потому и ей дано радоваться жизни. И вот в этом своем дивном настроении она увидела необыкновенное создание – блестящего жука с бархатным брюшком и лапками.

Жук был чудо как хорош, и гусеница влюбилась в него бесповоротно. Пытаясь привлечь внимание красавца, она высунулась из-под листочка, который служил ей и домом, и едой, высунулась и повисла, рискуя в прямом смысле слова своей жизнью, потому что открылась всем своим врагам, но так велико оказалось желание попасться на глаза жуку, что все остальное было просто не в счет, даже сама жизнь. Ну не глупая ли эта гусеница?

Правда, у нее есть и оправдание – уж очень она была молода, а молодость всегда бесшабашна, нерасчетлива и рискована. Раскачиваясь на легком ветерке, гусеница делала все возможное, чтобы красавец-жук ее заметил, но тот деловито поглощал что-то на соседней ветке, сказочно гудел и не обращал на гусеницу никакого внимания. Зато рядом вдруг появился и заохал чудесным образом расписанный мотылек:

– Дорогая гусеница, какая же вы красавица! Ах, какие лапки, какая стройность и грация! Я от вас без ума. Тут же делаю вам предложение.

Восторгаясь, махая от избытка чувств крылышками бесконечно быстро, он совсем загородил от нее жука. Гусеница снова забралась на листочек и с досадой сказала:

– Да отстали бы вы от меня, несносный. Летите своей дорогой, я замуж не собираюсь.

Странно, но мотылек не обиделся:

– Не буду, не буду вам докучать, прелестница, может, еще передумаете. Право, я очень надеюсь на это и прилечу еще!

Наконец он куда-то исчез. Но, увы, и жука тоже не было видно. Свет померк для гусеницы, всю ночь она не сомкнула глаз, а под утро пошел такой сильный дождь, что носа нельзя было высунуть, хотя, когда на миг дождь перестал, ей показалось, что мелькнул рядом мотылек, но дождь припустил с новой силой и увидеть что-то или кого-то не было уже никакой возможности. И так целый день.

Гусенице было и грустно, и скучно, хорошо хоть еда рядом, а то совсем раскиснуть можно. Следующий день был таким солнечным и теплым, как будто хотел извиниться за вчерашнее и позволить всему живому наверстать упущенное. Жужжали весело пчелы, сновали муравьи, какие-то непонятные букашки повылазили из всех укромных мест, и наша гусеница ожила, повеселела. Снова забралась на свой недоеденный листочек и, лениво жуя, стала ждать. Мы даже не говорим – кого, и так все ясно – жука, конечно. И он прилетел.

Сказочной музыкой было его гудение для гусеницы, она вся трепетала от восторга, глядя на эту блестящность и бархатистость. Жук, наверное, был твердопанцирный, поскольку ничего не замечал. Он деловито перебирал своими бархатными лапками, шевелил щегольскими усиками и занят был только собой и своими делами. От вздыханий гусеница перешла к слезам. Но где это было видано, чтобы кому-то помогли слезы? Недаром говорят – слезами горю не помочь. А горе, видимо, приключилось, хоть и незаметно, можно сказать, на пустом месте. По всему было видать, что влюбилась гусеница безответно. Заливаясь горькими сле-

зами, гусеница все же решилась признаться своему предмету, а вдруг он действительно просто ее не видит? Глазами слаб – бывает же такое?

– Простите меня, дорогой жук, – робко начала она, подбираясь ближе к ветке, на которой он сидел, – но я так хочу с вами познакомиться. Вот уже целых два дня я думаю только о вас.

Жук пошевелил своими холеными усиками, сбросил что-то невидимое с лапки и усмешливо ответил:

– Мадам, я к таким признаниям очень привычен. Если б вы знали, сколько желающих составить мне пару. Еще бы, я богат, удачлив, очень и очень недурен собой. Все вместе это редчайшее явление, так что ваш интерес мне не удивителен.

Гусеница слушала и глядела, глядела и слушала. Слов у нее не было.

– М-да-с, – прогудел между тем жук, – я еще не встретил свою половину, представляете, какое это должно быть совершенство?

Он поднял усики вверх и поводит ими по воздуху, а потом скучно и равнодушно сказал:

– Прощайте, мадам, – расправил свои сверкающие лаковые крылышки и полетел.

Гусеница завороченно смотрела ему вслед. Слезы застилали ей глаза, сердце разрывалось от горя, но что тут скажешь? Она понимала, что жук был прав. Вон он летает легко, свободно, красиво, а ей никогда не узнать радость полета. Полированная лаковость его панциря сверкает на солнце, бархатное брюшко притягивает взор своей шелковистостью, а эти сногшибательные, щеголеватые усики? А сказочное по красоте гудение? Ну, кто она такая, чтобы быть достойной его внимания? Зеленая, длинная, несоразмерная, передвигается, некрасиво выгибаясь, какими-то скачками, а если ползет, то жди не дождешься, когда она приблизится. Ужас да и только.

Этот ужас буквально раздавил, расплющил ее. Гусеница замерла без чувств, без желаний, свернулась, скукожилась, завернулась в какие-то мохнатости и, не в силах терпеть раздирающую боль в сердце, провалилась в беспамятство. Последнее, что долетело до нее, но

уже как бы совсем из другого мира, был голос мотылька, спрашивающий у каждого встречного:

– Скажите, вы случайно не видели здесь необыкновенную красавицу, все ищу ее и не могу найти.

– Да кто же это? – недоумевали расспрашиваемые.

– Ах, мне трудно объяснить, – горевал мотылек, – я знаю только, что это сказочная красота, и я потерял из-за нее голову и интерес к жизни.

– Неужели? Что вы говорите? – сочувствовали все мотыльку. – Мы бы рады были вам помочь, но не знаем, кого надо искать! Нам бы подробнее ее приметы.

– Какие могут быть приметы, – кручинился мотылек, – красавица из красавиц, вот и вся примета. Ума не приложу, куда она пропала. А мне без нее и жизнь не мила, видно, и мне пропадать придется.

До гусеницы, в ее бесчувственном состоянии, вдруг все же долетел сказочный звук – гудение жука. Что-то в ней вроде бы и шевельнулось даже, но тут она услышала, как на вопрос мотылька, не видел ли он чудную красавицу, жук ответил:

– С ума вы сошли, что ли? О какой красавице вы говорите? Если об этой мерзкой зелени – гусенице, то вам надо лечиться в психушке, мой милый.

– О какой гусенице? – встрепнулся мотылек.

– Да о той, что так мерзко и отвратительно висла на листочке березы.

– Бог мой, ведь это и есть моя драгоценная пропажа, – радостно замахал крыльями мотылек, – говорите скорее, где, где она, моя раскрасавица и единственная любовь на всю жизнь.

– Да вы дурак, мой милый, – брюзгливо прогудел жук, – и вам точно самое место в психушке. Надо же так назвать эту зеленую мерзость – красавицей! Нет, не перевелись еще идиоты.

И жук, возмущенно расправив крылья, рванул прочь от таких придурков. Больше гусеница ничего уже не слышала и ничего не помнила. Боль в сердце была так сильна, что ей захотелось умереть. Да и зачем ей было жить, ведь теперь она уже точно знала, какой злой ее красавец-жук, как жесток он душой, самовлюблен, эгоистичен. Чутьку жаль было только бедного мотылька. Почему, ну, почему она полюбила не его. Ах, если бы все вернуть сначала, она, зная цену им обоим, бесповоротно отдала бы сердце милому мотыльку. Как славно все могло бы получиться! Но, увы, получилось все совсем по-другому, и теперь ей лучше всего умереть.

И она умерла. Грустно, конечно, но жизнь, хоть и грустна порой, все же бесконечно мудра и прекрасна. И представьте себе, что через какое-то время из-под свернутого листочка на Божий свет вылетела неопишуемой красоты бабочка. Все вокруг в восторге замерло, такой совершенной красоты здесь еще не видели. Это-то и была наша гусеница. Один этап ее жизни завершился, и начался другой, и сама она была другая: яркая, легкая, совершенное чудо природы. От той прежней гусеницы всего-то и остались сочно-зеленые разводы, кое-где разбросанные на ее воздушных ажурных крыльях. А самое главное – она летала, летала так легко и свободно, что всякий сравнил бы этот полет со сказочной по красоте музыкой.

– Неужели это я? – звонко закричала гусеница в поднебесье. – Неужели я жива, я другая и умею так чудесно летать?

– Мы не знаем тебя, не знаем, кто ты, но ты диво дивное и чудо чудное, – отвечали ей все хором, – такой красоты нам еще видеть не доводилось.

Гусеница (теперь уже бабочка) счастливо смеялась и сама, любуясь на свое отражение в капельках росы, радостно восклицала:

– Кто эта чудная красавица, кто эта сказочная бабочка, неужели же я?

– Ты, ты, – в упоении подхватывал живой хор, – и лучше тебя нет здесь никого!

– Ой, постойте, да ведь это ее мотылек искал, плакался нам бедный, – вспомнил тут кто-то.

– Ее, ее, – подтвердили остальные, – он так и говорил: красавица из красавиц. Где же он, куда подевался? Вот нашлось теперь его чудо, а он сам пропал!

– Кто пропал? – раздалось знакомое бабочке-гусенице гудение, и на опушку вылетел красавец жук. – Что это вы все разохались?

И тут он увидел бабочку. Изящно сложив крылья, она грациозно присела на ромашку.

– Бог мой, какое чудо, – в восторге загудел жук, – какое совершенное создание! Да я, милая, искал вас всю жизнь. Посмотрите-ка на меня скорее! Я делаю вам предложение.

И жук согнул бархатные лапки в поклоне.

– Идите, идите за него, – зашумели окружающие, – он богат, удачлив, красавец, наконец. Вы будете чудесная пара.

– Нет, нет, – с улыбкой отмахнулась бабочка, – я так не считаю. У меня другое на уме.

– Да вы с ума сошли! – зашикали все на нее. – От такого жениха не отказываются. Знаете, сколько тут желающих выйти за него замуж? И не счесть.

– Да, – самодовольно сказал жук, – желающих действительно много. И я вам так скажу, другого такого во всей округе нет, сколько ни ищите. Посмотрите на меня получше, разве я не хорош?

И жук стал поворачиваться перед ней во все стороны.

– Я молод, силен, у меня замечательное будущее. Я и сейчас очень богат, а в дальнейшем это все умножится. Более завидного жениха трудно себе представить. Знаете, тут одна мерзкая гусеница даже умерла от любви ко мне. Правда, правда, весь лес был свидетелем, я всем об этом рассказал, и теперь все это подтвердят. А вы отказываетесь. Мне это странно даже. Я ведь полюбил вас, и пара мы были бы замечательная. Я само совершенство, и вы такая совершенная, нет, определенно мы чудесная пара. Подумайте, поразмыслите и соглашайтесь. Я вас, конечно, не тороплю, но и думать вам долго не стоит, чего лучшего-то ждать?

И жук обиженно зашевелил усиками. Со странным чувством смотрела на него бабочка. Вот он – миг отмщения, вот она – отплата за ее обиды и боль. Как ждала она в той, другой жизни от него этих слов! А их не было, вместо них ей пришлось услышать много горького, да, кстати, что он там говорил – гусеница умерла от любви к нему, и он всем и везде об этом рассказывал, хвастался. Ах, как стыдно! А ведь это была правда, уж кто-кто, а она-то точно знала. Бабочка так вся и вспыхнула от стыда, но всем показалось, что на нее упал солнечный луч, и она, засияв, стала еще прекрасней. Жук замер в восхищении:

– Милая моя, дорогая, какая же вы красавица! Как я вас люблю! Не разбивайте моего сердца, выходите за меня замуж.

И он, сраженный, упал перед ней на колени.

– Встаньте, встаньте, – сказала бабочка голосом таким музыкальным, что у присутствующих и у самого жука слезы брызнули из глаз, – не печальтесь, не надо. Вы встретите еще свою половину, – и уже чуть озорно добавила: – Но она не я.

С этими словами бабочка взмахнула своими дивными крылышками и легко полетела. Жук, онемев, как замороженный смотрел ей вслед и понимал, что такой красоты полета ему никогда не достигнуть. А бабочка была уже далеко, она порхала от цветка к цветку, от листочка к листочку, словно чего-то искала. Смятение в ней нарастало, душа замирала от испуга, и она уже очень и очень устала, у нее с самого ее второго рождения маковой росинки не было во рту, но она упорно продолжала поиски и была вознаграждена.

В таком же закрученном, как у нее когда-то, листочке лежал с закрытыми глазами и сложенными лапками мотылек. Он был почти бездыханный, и бабочка с ужасом подумала, что он умер. Но нет, чуть шевелилась еще, дыша, его грудка, когда она, подлетев, обняла его своими крылышками.

– Ах, мой дорогой, только не умирайте. У нас столько счастья впереди.

Тут бабочка закапала горькими слезами на дорожное для нее создание.

И чудо, мотылек открыл глаза и сразу же увидел бабочку, которая изо всех сил махала на него своими крылышками, пытаясь оживить.

– Как, вы нашлись? Вы не исчезали, вы здесь? – радостно воскликнул мотылек.

– Да, да, я здесь, с вами и теперь уже никогда никуда не исчезну, потому что я очень, очень, очень-преочень люблю вас.

И мотылек в упоении повторял вслед за бабочкой:

– Я очень, очень, очень-преочень люблю вас.

А потом они вместе куда-то полетели, и все, кто видел этот полет, не забудут его никогда. Да разве же можно забыть полет любви? Жаль только, что редко когда удастся его увидеть. Довелось увидеть вместе со всеми и жуку эту песню счастья и восторга, довелось и ему услышать шепот окружающих: «Вот это пара», и сказать себе самому, что подобной красоты и совершенства он в своей жизни не встречал.

И даже когда счастливая пара улетела, все еще долго смотрели с сожалением в опустевшее небо, печальась, что так мало наслаждались истинной красотой. И до конца своих дней одинокий жук, мрачный, брюзгливый и замкнутый, не мог забыть дивную, чарующую прелесть бабочки.

Он помнил каждое ее движение, каждый взмах ее крылышек, каждый рисунок и развод, каждый оттенок красок. Помнил, как жадно ловил ее взгляд, но она ни разу на него не посмотрела. Все ее внимание принадлежало мотыльку. Это ему она улыбалась, с него не сводила счастливых глаз, для него кружилась в вечном танце любви. И видно было, что каждое трепетанье ее легких, ажурных крылышек – для него и только для него.

Да и он был хорош. Хоть жук судья пристрастный и хотел оговорить мотылька, но, увы, тот был также ярок, воздушен и изящен. Они кружились и кружились вместе, не в силах оторваться друг от друга, и всю свою жизнь жук, проживший диковато замкнувшись в своей

скорлупе, не желающий, а потом уже отвыкший и не умеющий общаться с окружающими, только и делал, что снова и снова вспоминал.

Не только потому, что бабочка так запала в его сердце. Было в ней, в ее голосе, в ее движениях что-то такое, что тревожило каким-то напоминанием прошлого. Хотя жук за все эти годы тысячи раз перебрал в памяти каждый штрих, он не мог вспомнить, где встречался с ней раньше. А вместе с тем, глядя тогда в бездонное небо на истинную красоту, он как будто уловил что-то знакомое, прежде встреченное.

И вот теперь все дальнейшие годы его не покидало чувство, что они когда-то и где-то встречались, а вот где и когда? Нелепо было и предполагать такое, ведь подобную красоту невозможно было не заметить, так откуда эта неуловимая ее знакомость? Откуда уверенность в том, что они встречались и раньше, до того незабываемого полета с мотыльком? Вот на этот-то вопрос и не было у жука за целую его жизнь никакого ответа.

О дереве

В небольшом курортном городке, в парке, стояло необыкновенное дерево, и вся его необыкновенность состояла в том, что оно было таким старым, что и само не помнило, сколько ему лет – сто, двести, а может, и все триста. Трудно было сказать, какой породы оно, поскольку было уже нездорово и скривлено, обросло мхом, переплелось с ветвями близрас-
тущих соседей – деревьев и кустарников, стало таким огромным, раскидистым и толстым (каким бывает тучный человек на склоне лет), что составило одну из достопримечательностей городка, но на вопрос интересующихся, что же это все-таки за дерево, жители обычно пожимали плечами и говорили, что то ли бук, то ли граб, то ли вяз, сложно определить, если ты не биолог. Дерево же не задумывалось уже ни о чем, а равнодушно и безучастно позволяло собой восхищаться, удивляться и замирать в восторге от созерцания своей необыкновенности.

Сколько всего перевидало оно на своем веку, свидетелем каких только событий не было, какие только катаклизмы в природе и обществе не пережило – всего и не упомнить. И если где-то в далеком-далеком прошлом оно бурно реагировало на малейшее изменение в калейдоскопе дней и событий, именуемых жизнью, то с течением времени незаметно даже для себя самого очерствело, огрубело, покрылось коростой, сквозь которую не могло пробиться ни одно живое проявление, ни одна струя свежести и интереса. И самому дереву, и окружающим казалось, что уже никто и ничто не в силах оживить или хотя бы встряхнуть этот древний усыхающий реликт, который собрался в равнодушной покорности дотянуть до своего конца.

В один из летних, сказочных в своей прелести вечеров на скамейку в парке рядом с нашим деревом села молодая женщина с хорошенькой девочкой лет пяти-шести. Женщина раскрыла книгу, так как еще было достаточно светло для чтения, а девочка начала прыгать и скакать вокруг нее. Конечно же, ее внимание привлекло необыкновенное дерево. Она побежала к нему, взобралась на ближайший сук и закричала:

– Мамочка, посмотри, какое славное дерево! Оно ведь волшебное, правда? Мамочка, ну посмотри же скорее, это ведь о нем ты мне читала в сказке про заколдованную фею?

Женщина оторвалась от книги и ласково посмотрела на дочь:

– Конечно, моя родная, это заколдованная чудо-фея.

– Она исполняет желания? – снова закричала сидящая на суку крошка.

Мама улыбнулась:

– Выполняет, солнышко.

– Вот здорово, – зашебетала девочка и мягкими, нежными ручонками начала осторожно гладить замшелый сук, на котором сидела. – Я так и знала, что когда-нибудь найду ту фею, которая делает всем людям добро и исполняет все желания.

– Добрые желания, – уточнила мать, с нежностью глядя на дочь.

– Добрые желания, – эхом в задумчивости повторила та, не переставая ласково гладить кору дерева.

Вот так и случилось, что этот, казалось бы, обыкновенный вечер больше чем все удары молний встряхнул наш реликт. Ничего подобного с деревом никогда не происходило, и оно уже думало, что никогда не произойдет. Трудно описать состояние, в которое крошка повергла предмет своего восхищения. Где-то в неведомой ему самому глубине, ломая все преграды, равнодушие, очерствение и коросту, горячая живительная струя вырвалась на свободу и заставила трепетать каждую жилку, каждый листочек.

Бархатная детская щечка, нежно прильнувшая к замшелому стволу, совершила самое настоящее чудо. Дерево ожило, сбросило с себя оцепенелость, спячку, потянулось к ласко-

вым прикосновениям ребенка, доверчиво обнявшего его ствол и глядящего его кору маленькими трогательными ручками. Соки жизни, пробуждения, обновления, весны, молодости, любви, со стремительной неожиданностью и непонятно откуда взявшиеся, заструились в его жилах.

Дерево вмиг ожило, помолодело, пробудилось к ощущению и восприятию, и эти ощущение и восприятие были сказочно прекрасны.

– Мамочка, мамочка, посмотри, дерево меня обнимает, – в восторге закричала девочка. И так оно и было на самом деле.

– Конечно, конечно, – поспешила согласиться мать, только бы не разочаровать и не огорчить дочь, потому как кто же из нормальных людей способен поверить в такое. – Но нам пора домой, дорогая, уже становится холодно, да и поздно, тебе пора спать.

– А мы завтра придем сюда? – спросила девочка, нежно прильнувшая к дереву.

– Конечно, придем, если ты хочешь.

– Очень хочу.

И девочка начала спускаться вниз, а спустившись, опять ласково погладила дерево и сказала:

– Мы завтра снова придем, а пока до свидания. – Она поцеловала дерево своими пухлыми губками, и не только дерево, но и все прохожие, наблюдавшие эту сцену, умилились, и уже уходя, ребенок еще долго оглядывался на дерево и прощально махал ему рукой.

Вот так и повелось с тех пор. На протяжении многих лет девочка каждый день приходила к дереву в парк сначала с мамой, потом со своими подружками. Она менялась с возрастом, становилась очень хорошенькой и веселой, иногда бывала грустна и задумчива и в эти моменты приходила одна, долго сидела на скамейке, порой плакала, порой шалила, но все эти годы неизменным оставалось одно – ее горячая привязанность к дереву.

Казалось, она не могла и дня прожить без общения с ним, именно общения, как это ни странно. Девочка, потом уже девушка разговаривала с ним, как с живым существом, дорогим и близким,веряла ему все свои тайны, заботы и огорчения, делилась проблемами и успехами, радостью и печалью.

Еще более странно, что дерево отвечало ей тем же и жило только ею. Оно с раннего утра вглядывалось в начало аллеи, когда же знакомая фигурка появлялась, стремительно приближаясь, простирало к ней ветви-руки, ласково шелестя листвой. Слегка еще угловатая и порывистая в своей прекрасной юности, со всем пылом молодых лет девочка-девушка обнимала ствол, и в ответ на ее поцелуи дерево бурно кипело всеми радостными человеческими чувствами, обмирало от страха за нее, превращалось в одно сплошное ожидание до самого ее прихода и так же целовало и обнимало ее без конца во все время их общения. Ничего подобного не было за все его годы, только сейчас оно ожило, расцвело в полную силу, приводило в изумление и покоряло всех, кто подходил к нему, ведь любовь – это лучшее из всего, что дарит жизнь, и она в действительности творит такие чудеса, какие не способна сочинить самая волшебная сказка.

Вы скажете, что автор сошел с ума, но здесь была обоюдная величайшая любовь, вне всякого сомнения. Когда маленькие нежные пальчики ласково пробегали по веточкам, стволу и листочкам, солнце сияло, тепло окутывало, а весна царила и для дерева, и для девочки, хотя природа не слишком щедра на весну, тепло и солнце. Долгие осенне-зимние холода и слякоть, летняя жара, зной и засуха более ей присущи, но для двоих все это может превратиться по волшебству любви в то, что чувствуют только эти двое: в майский ветер, щебетание птиц, запахи цветущих лугов и прочее, прочее, о чем пишут все лирики мира.

Время шло, и однажды девушка оказалась на аллее в сопровождении молодого человека. Дерево было уже знакомо с ним – девушка давно открыла ему и имя юноши, и свои чувства к нему. Дерево знало все, а юноша еще ничего не знал и даже не подозревал, судя

по его смущению и робости. Они сели на скамейку: дерево любовно окутало ее листвой, и девушка привычно начала перебирать и целовать листочки. Юноша благоговейно молчал, он сразу понравился дереву, хотя во всем, что касалось его любимицы, оно было очень придирчиво и редко кто мог выдержать экзамен.

Но молодому человеку не пришлось пройти испытания: он мгновенно пришелся дереву по сердцу, а потому и в этот вечер, и в другие подобные вечера дерево и его ласково окутывало своей листвой. Теперь уже и молодой человек здоровался и прощался с деревом, как с дорогим ему знакомцем, он даже иногда приходил сюда один, так же обнимал ствол и поверял дереву самые сокровенные мысли. Так дерево узнало, что его любимица преданно, сильно и совершенно бескорыстно любима, что юноша хотел бы стать военным, но в их городе нет такого училища и ему надо будет уехать, если он хочет осуществить свою мечту, но он не знает, как к этому отнесется повелительница его сердца, которая даже не подозревает пока о его любви.

Как много могло рассказать дерево молодому человеку: что он любим так же сильно и бескорыстно, что оба они – чудная, Богом соединенная пара, что у них все должно быть хорошо, просто замечательно. Надо только не робеть и все рассказать своей избраннице.

Но юноша был застенчив, стеснителен и не решался открыться, ведь он совсем ничего не знал о взаимности, к тому же он совершенно не понимал дерево, и значит, помочь оно юноше не могло. Что касается девушки, то она хоть и хорошо знала язык своего дерева, но тоже могла понять немного, ведь до сих пор еще не научились объясняться природа и человек, что очень печально, на наш взгляд. А как все было бы прекрасно, какая бы сказка воцарилась на земле, будь это так. Но, увы, к сожалению, сказки крайне редко бывают в жизни, что, конечно же, очень огорчительно.

Время шло, а юноша все никак не мог преодолеть свою робость и открыться, сколько ни подталкивало его к этому дерево. Да и что могут сказать крона, шумящая над головой, ветки, хлещущие по щекам, и падающие листья? Ничего... Вот и юноша не понимал этого языка нетерпения и подсказками дерева не воспользовался. Девушке же оно тоже кричало о

любви юноши, она понимала, что дерево говорит ей о любви, но думала, что говорит оно о собственной любви к ней, а вовсе не является ходатаем за ее ухажера, если можно таковым его считать, поскольку поведение молодого человека (в силу его беспредельной робости и безграничной стеснительности) назвать ухаживанием было довольно трудно.

Так вот все трое и мучились непониманием, а жизнь шла и требовала четких и ясных действий. Как-то по весне, в конце мая, влюбленные пришли в сад очень грустные, тут же загрустило и дерево.

– Знаешь, я должен уехать, – тихо сказал молодой человек. – Я подал документы в военный институт на переводческий факультет, мне прислали вызов.

– Уже прислали вызов? – прошептала девушка, и дерево с ужасом и состраданием увидело, как в наступающих сумерках побелело ее лицо. Юноша кивнул, опустив глаза, и что-то чертил прутиком на песке; девушка чуть отвернулась, но дерево-то видело, что у обоих глаза были полны слез. Оно обняло их своей листвой и попыталось как-то соединить, но что может природа, даже и такая одушевленная, которая знает, что такое любовь?

Молчание нарушила девушка:

– Ты хочешь быть переводчиком?

– Да. Военным.

«А как же я?» – хотела она сказать, но слова ее услышало только дерево, поскольку вслух она их не произнесла.

«Скажи, ну скажи же скорей, как ты ее любишь», – нетерпеливо вертелось дерево. Оно исхлестало парня ветками, но не заставило его признаться в любви, может, и сказаны были бы эти судьбоносные для обоих слова, но юноша, искоса бросавший взгляды на свою подругу, видел только застывшее в каменной неподвижности лицо и опущенные dolu глаза, к тому же ее грусть могла быть принята за нежелание разговаривать, вот он и не рискнул открыться. По молодости, наивности, чистоте и неопытности поощрить его девушка не смогла, поскольку просто не знала, как это делается опытными сердцеедками в таких случаях.

Дерево, прекрасно изучившее и чувствующее ее, ясно осознавало, что о любви молодого человека его любимица не догадывается, более того, она уверена, что этой любви нет и в помине, открываться же в своей ей мешает девичья гордость и все та же чистота и неопытность. Что делать? Как помочь этим двоим? Дерево разрывалось от своей беспомощности. Юная пара посидела еще молча.

– А ты будешь куда-нибудь поступать? – отважился юноша на вопрос. И тут девушка впервые за весь вечер посмотрела ему в глаза.

– Даже не знаю, – протянула она задумчиво, – в нашем городе нет таких учебных заведений, куда мне бы хотелось, а уезжать из города я и не могу, и не хочу.

– Почему?

– Ты правда хочешь знать?

– Конечно.

– Попытаюсь объяснить тебе, – застенчиво улыбнулась девушка, – ты не будешь смеяться?

– Что ты, разве я когда-нибудь смеялся над тобой?

– Нет, никогда.

– Тогда почему ты боишься, что я сейчас засмеюсь?

– Я не боюсь... Но как бы это получше тебе объяснить... – замялась девушка.

– Говори так, как есть, я пойму.

Девушка еще раз пристально взглянула ему в лицо:

– Ладно, только не считай меня сумасшедшей. Я не могу уехать из-за мамы и из-за этого дерева.

– Из-за дерева? – оторопел молодой человек.

– Я же говорила, что ты не поймешь, будешь смеяться.

– Нет, нет, – юноша умоляюще прижал руки к груди, – обещаю тебе, что не буду смеяться, просто я не совсем понимаю.

Девушка придвинулась к нему вплотную и горячо заговорила:

– Меня никто не понимает, только мама и это дерево, да, да, мама и это дерево. И мама тоже так считает.

– Считает, что тебя понимает дерево? – недоумевающе спросил молодой человек.

Девушка молча кивнула.

– Ничего не понимаю, хоть убей.

– А что тут непонятного? С детских лет я привязана к этому дереву, мне сейчас даже кажется, что мы неразрывно связаны. Оно понимает меня, а я понимаю его. У меня от него нет тайн, и не раз своей поддержкой оно помогало мне, вселяло в меня силу, уверенность. Я прихожу к нему, когда мне нездоровится, и ухожу абсолютно здоровой, бегу в минуты грусти набраться хорошего настроения и бодрости: моя радость будет неполной, если дерево о ней не узнает, и счастлива я могу быть, только когда оно со мной. Так же и оно относится ко мне, я это точно знаю. Оно завянет без меня, погибнет, и моя мама тоже так считает.

Молодой человек покрутил головой, хотел что-то сказать, но только вздохнул.

– Я без него тоже зачахну, – тихо добавила девушка, – для моего спокойствия мне надо быть всегда с ним рядом.

– Значит, ты не будешь учиться дальше?

– Буду, почему не буду? Поступлю в медицинский, он всего ночь езды от нашего города. Буду ездить каждый день, вот и все.

– В другой город каждый день?

– Ну, если и не каждый, то на субботу и воскресенье домой ездить обязательно стану, а значит, мама и дерево будут всегда рядом.

Молодой человек опять вздохнул:

– Можно, я тебе писать буду?

– Конечно, пиши, ты же мой друг.

– Еще какой друг, – с жаром откликнулся юноша.

«Ну же, ну, – подталкивало его дерево, – лови момент, скажи ей, что ты ее любишь».

Но смелость покинула героя, как только глаза девушки в ожидании остановились на нем. И он ничего не сказал и на сей раз. Девушка поднялась, попрощалась с деревом, юноша повторил ее движения, и они медленно побрели по аллее к выходу из парка. Дерево неистовствовало, но что оно могло сделать?

Конечно же, на другой день его любимица вся в слезах прибежала к своему дружочку дереву и рассказала, захлебываясь в рыданиях, что она так любит, так любит, а он уезжает, и когда они увидятся – неизвестно. Конечно же, дерево как могло пыталось ее утешить и подбодрить, но мы уже знаем, что даже самые великие чувства порой невозможно выразить словами, а без слов как эти самые чувства понять? Хотя, если уж быть философом, то можно поразмышлять на эту тему. Ведь и слова бывают настолько пусты, что за ними не стоит даже намек на чувства, которые они пытаются озвучить. И только дела, поступки говорят по-настоящему о человеке и его сути, в том числе и о переживаниях человеческого сердца.

Итак, молодой человек уехал, а девушка осталась. Скорее всего задумка ее сбылась, потому как теперь в каждый приход она ненадолго прощалась с деревом и исчезала, а потом возвращалась. В социальных статусах дерево не разбиралось, для него слово «студентка», часто мелькавшее в ее рассказах, ничего не значило. Вот чувства – совсем другое дело, здесь дерево отлично понимало свою любимицу и было во всем с ней солидарно. Она страдала, любила и мучилась в разлуке, и дерево переживало то же самое. Как могло, оно утешало и

согревало ее, и боль ее души стихала, едва она прикасалась щекой к его шершавому стволу и нежными пальчиками начинала перебирать листву.

Так, незаметно, текли тонким ручейком песочные часы дней и недель, и однажды дерево, по обыкновению сосредоточивавшееся на ожидании, увидело в начале аллеи свою любимицу снова в обществе молодого человека. Но это был совсем другой, незнакомый ему юноша. Девушка и его познакомила с деревом, но молодой человек только заразительно смеялся и махал на нее руками.

– Полно тебе дурачиться, – недовольно сказала девушка.

– Да как же всерьез принять всю эту чепуху? Это же бред сивой кобылы. До чего ты романтическая особа, забила себе голову какой-то ерундой, а еще учишься на врача! Ладно бы ты была неграмотная дуреха, не выдавшая в жизни ничего слаще морковки! Умора, да и только. Не забивай голову ни себе, ни мне, вот что я тебе скажу.

Дерево окаменело, замерло в священном ужасе – вот сейчас девушка в гневе натворит дел! Но, к его великому изумлению, она промолчала, смотрела на парня задумчиво и долго, но молчала. И опять, как и с прежним юношей, она каждый вечер сидела на скамейке под деревом, и опять они подолгу молчали, хотя ее новый друг был балагур и весельчак, в отличие от прежнего. Дереву он жутко не нравился, и вовсе не за те не слишком любезные слова, просто, прожив не одно десятилетие, дерево повидало на своем веку немало влюбленных пар и давно научилось разбираться в людях. Если бы оно могло говорить, с каким убеждением оно дало бы молодому кавалеру нелестную характеристику: пустой, мелкий, ничтожный болтун, бездушный и черствый, к тому же щеголь и франт, пустозвон и пустомеля, пускающий пыль в глаза. Вот эта-то пыль и была, по мнению дерева, главным «достоинством» второго поклонника (опять же в отличие от первого), ухаживающего за девушкой по всем правилам любовной науки, что говорило о его богатом опыте и умениях в этом вопросе.

Дерево точно знало, что дать счастье женщине или хотя бы покой и надежную опору такая порода мужчин просто неспособна, поскольку все внимание и забота направлены на собственную персону, а горор, самомнение и уверенность в своей исключительности непробиваемы ни для каких укорор совести, признания ошибок и желания повиниться и постараться стать лучше. А потому самое правильное – обойти подобного субчика десятой дорогой и не позволить приблизиться к себе на пушечный выстрел. Но даже и в такой отдаленности эта категория мужчин, с точки зрения дерева, вызывает, мягко говоря, бурю негодования, возмущения и презрения.

Увы, ничего подобного девушка не испытывала к своему новому другу, хотя и была всегда с деревом единым целым. Красивые фразы, произносимые с пылкостью и напором; умоляющие, страстные глаза, с обожанием устремленные на нее; предупреждение каждого, даже малейшего желания – все это медленно, но верно завоевывало ее сердце. Как ни старалось дерево предупредить, как ни отгораживало ее от поклонника, действия его успеха не имели. Она словно даже отстранилась от своего зеленого друга, не так радостно к нему стремилась и порой и вовсе не приходила.

Бывали дни, когда дерево напрасно с тоской вглядывалось в начало аллеи – девушка не появлялась, а появившись, не чувствовала себя виноватой, как в добрые прежние времена, когда она извинялась за каждый свой промах. И хотя девушка все еще доверительно рассказывала о своих переживаниях (так дерево узнало, что новый знакомец, ставший ее преданным поклонником, – товарищ ее старого друга, уехавшего из города на учебу в военный институт и обещавшего через него передавать ей письма, которых она не получала, хотя прошло уже полгода), но что-то все-таки из этих отношений ушло.

Девушка замкнулась, погрузилась, стала молчаливой, и дерево ее понимало: трудно разочаровываться в любви, особенно если это первая любовь. Оно и само не могло взять в толк, как это получилось, что юноша не пишет, ведь оно могло ручаться, что девушка была

не просто, а безумно любима. Может, что-то случилось серьезное? Ответа на этот вопрос не было, а новый кавалер продолжал атаковать такое дорогое дереву сердце с завидной настойчивостью. И вот в один далеко не прекрасный для дерева момент молодой человек признался ей в любви.

«Не верь, не верь! – в ужасе закричало дерево. – Он не любит тебя, он вообще не умеет любить. Ты будешь с ним очень несчастна».

К сожалению, каждый идет своей дорогой, и от судьбы, даже если тебя предупреждают и заведомо знают, что эта судьба не будет благополучной, уйти еще никому не удалось, а потому, как дерево ни воевало, девушка его опасений не поняла и дала юноше согласие стать его женой.

Дерево затосковало, оно корило себя, что не уберегло любимицу, обзывало себя старой трухой и даже сбросило часть листьев в самый разгар лета, но девушка, к тому времени ставшая замужней дамой, казалось, ничего не замечала. Да и уже не так часто приходила она в парк, бывало неделями дерево коротало одиночество осенних и долгих зимних вечеров, дней и ночей. Как-то после особенно долгого отсутствия девушка появилась в парке, катя перед собой детскую коляску. Она подошла к дереву, вытащила из коляски крошечный комочек и приложила его головой к стволу.

– Познакомьтесь, это моя дочь... Доченька, а это мой самый большой друг.

Так у дерева появилась еще одна привязанность, и ему уже не так тоскливо было взросление своей любимицы. С малышкой девушка опять стала приходить каждый день, ребенок потихоньку рос, и вскоре снова детские нежные пальчики ласкали ствол дерева и прижималась к нему бархатистая щечка, умилительная в своей трогательной доверчивости, вот только молодой муж почти не сопровождал свою семью, но о нем в этой тесной компании никто почему-то не вспоминал.

Снова наступила весна, и дерево радовалось каждому дню, проведенному с дорогими ему существами, потому что тепло и нега весенних дней позволяли очень долго не уходить из парка теперь уже двум его любимицам. Но однажды ребенок закашлялся в своей прогулочной коляске.

«Ой, не заболела ли малышка», – забеспокоилось дерево, а молодая женщина в тревоге поспешила домой и долго не приходила.

Но дерево ожидало еще одно потрясение. В город приехал молодой человек – первая любовь девушки. Об этом дерево узнало первое. Юноша сразу же прибежал к нему, долго гладил его ствол и радовался встрече, потом сел на скамейку и начал делиться: заканчивает военный институт, может быть назначен на работу в Китай, но только в том случае, если женится. Вот он и приехал за женой. И хотя за это время девушка ни разу не ответила на письма, которыми он забрасывал ее через своего приятеля, надежда на положительный ответ все-таки теплится в нем, ведь эта надежда поддерживала его все пять лет учебы, заставляя не просто учиться, а учиться так, чтобы им гордились. Что могло ему ответить дерево, чем утешить его и себя?

Грустно гладило оно юношу своими ветвями и плакало. По стволу его катились самые настоящие слезы (правда, биолог назвал бы их смолой) и в эту встречу с влюбленным, и во все последующие, пока в один из таких встреч-вечеров в парк не пришла девушка.

Юноша так порывисто бросился к ней навстречу, что столкнулся с пожилой парой, степенно прогуливающейся по аллее, но даже не заметил этого. Люди понимающе переглянулись, улыбнулись и пошли дальше, а юноша схватил девушку за руку и долго тряс ее, не говоря ни слова от избытка чувств. Девушка печально вздохнула, отвела руки молодого человека, усадила его на скамейку под дерево, сама села рядом и рассказала о себе: замужем, имеет дочь трех лет.

Молодой человек обомлел, казалось, жизнь покинула его. Как же так, ведь он писал ей почти каждую неделю? Почему, ну почему она не ответила ему? Девушка недоумевала: она не получила ни одного письма. Слово за слово выяснилось, что нынешний ее муж, друг юноши, просто-напросто не передавал ей его письма. Что ж, в этой жизни каждый за себя, и это не первый случай великой подлости в делах любви. В смятении чувств девушка призналась, что юноша – ее первая горячая любовь, что если бы она знала, что любима тоже, их никто и ничто не разлучило бы. А теперь? Оба рыдали, с ними рыдало и дерево.

– Я очень тебя прошу, поедem со мной, – юноша подавил подступающие слезы, – я воспитаю твою дочь, буду ее считать родной, раз это твой ребенок.

– Это невозможно, – грустно покачала головой девушка.

– Почему, ну почему мы не можем быть счастливы, я так тебя люблю. Я все сделаю, чтобы вам обоим было хорошо.

– Нет, не уговаривай, у девочки должен быть родной отец.

– Но он же подлец, – не удержался юноша.

– Да, ты прав. Но это мои проблемы. Ребенок здесь ни при чем. Она любит своего отца.

– Я заменю ей его. Я буду любить ее даже больше, чем родной отец.

Девушка оставалась непреклонной, она встала, вытерла слезы и твердо сказала:

– Тебе меня не отговорить, обстоятельства против нас. Теперь ничего уж не поделаешь, разошлись наши дороги. У тебя своя жизнь, у меня своя.

– Но я люблю тебя и повторю это тысячу раз. Я не мыслю жизни без тебя. Он не даст тебе счастья, подлец всегда подлец.

– Речь не обо мне. И я запрещаю тебе говорить плохо о моем муже. В душе я многое могу сказать ему, но это только мои проблемы, и я повторяю тебе и буду повторять – у ребенка должен быть родной отец. О себе теперь я уже не думаю. Вся моя жизнь отдана дочке. Прощай.

Девушка встала со скамейки, прикоснулась губами ко лбу юноши и почти побежала к выходу, а юноша еще долго сидел, потерянно уставившись куда-то в одну точку, потом

поднялся, навсегда попрощался с деревом и побрел, еле переставляя ноги. Больше его дерево не видело.

Прошло еще несколько лет. Малышка подросла и теперь уже многое умела делать сама. Вырвав ручонку из руки матери, она, едва ступив на аллею, стремглав летела маленькой стрелой к дереву, карабкалась на его ствол, обвивала ручонками и либо лепетала что-то свое, детское, либо болтала ножками и молчала, а мать в это время читала ей и дереву сказки. В общем, повторялось далекое прошлое, и дерево вновь было бесконечно счастливо.

О муже своему дружку-дереву девушка ничего не рассказывала, он крайне редко сопровождал свою семью в парк, и только малышка упоминала в своей детской болтовне мимоходом о папе, так что дерево почти не думало о нем. Однако супруг напоминал о себе сам.

Как-то мать и дочь попрощались на несколько дней с деревом: девушка уезжала получать свой диплом врача, и дерево, гордое за свою любимицу, приготовилось терпеливо ждать. Малышку она оставила с отцом, и он пару раз гулял с ней в парке (но далеко от дерева, хотя девочка все время тянула его к своему любимцу), но однажды ребенок появился не только в сопровождении родителя. С ними рядом шла молоденькая вертлявая и кокетливая девушка с длинными черными распущенными волосами. Девочка вырвала свою ручонку из руки отца и побежала к дереву, как не раз делала это с матерью.

– Даша, не надо туда ходить. В парке много интересного. Пойдем, покатаемся на карусели!

– Но это же наше дерево, мы и так давно к нему не приходили, – закричала отцу девочка, ловко забираясь на ствол. – Я хочу с ним поиграть. Мама мне всегда разрешала.

– Оставь ее, – черноволосая девушка беззаботно махнула рукой, – хоть чуть-чуть вдвоем побудем. Скоро твоя-то придет?

– Да, обещала через два дня.

– Значит, у нас есть два дня, – весело сказала девица, тряхнув волосами так, что дерево, как ошпаренное, убрало от нее свои ветки.

– Есть, – заиграл глазами примерный супруг.

Девушка села на скамейку под дерево.

– Не люблю я тут сидеть, – помрачнел молодой человек.

– Что так?

– Да так. Моя дуреха совсем сбрендилла. Представляешь, считает, что это дерево с ней связано каким-то там необыкновенным образом.

– Как это связано? – девушка недоумевающее захлопала ресницами.

– А вот так. Я сам ничего не пойму. Бывают же такие романтические идиотки! У кого-то певцы, спортсмены, а у этой вот дерево.

– Она с головой-то дружит? – девушка повертела пальцем у виска и добавила: – Бедняга ты, бедняга. Живешь с какой-то сумасшедшей.

Во время разговора малышка нежно гладила ствол, не обращая внимания на парочку, и вдруг сказала, ни к кому не обращаясь:

– А моя мама скоро придет, и мы опять будем ходить сюда играть.

– Ну вот, видишь, – передернул плечами папаша, – сама с придурью и ребенка с пути сбивает, такую же растит, не от мира сего. Все люди как люди, а тут, – и он с горечью махнул рукой, – не поверишь, из-за этого дерева не уехала, мучится, ездит в соседний город в институт, но переезжать туда категорически отказывается. Мать ее специально там квартиру купила, живет, а эта и к ней только в гости ездит. Дерево свое оставить не хочет, судьбоносное оно у нее, видите ли. И я тут сиди с ней в этой дыре.

Дерево слушало, смотрело и не верило себе. Это же муж, отец, глава семьи! Конечно, оно видело всю его ничтожность, но не до такой же степени! Какой ужас, что за пример

для ребенка? Дерево всеми силами пыталось отгородить ветвями малышку от воркующей пары, но девочка что-то все-таки поняла и вела себя совсем не так, как в присутствии матери. Тихонько и грустно сидела она на своем привычном месте, не шалила, как обычно, и даже не играла. У дерева внутри все разрывалось от горя. Ах, если б оно могло что-то сделать! Но как заступиться за дорогих людей, если у тебя нет ни рук, ни ног, ни голоса?

– Гроза, наверное, будет. Что-то дерево сильно шумит.

– Шумит, а ветра нет, – молодой человек повертел головой во все стороны, – но вроде потемнело. Даша, давай слезай, пойдем домой, вдруг дождь начнется. Промокнешь, простудишься, мать с меня три шкуры снимет.

– А... боишься ее все-таки, – злорадно сказала девица, – ругаешь, а боишься.

– Никого я не боюсь, – неожиданно озлился глава семьи; он что-то еще возбужденно говорил, недовольно размахивая руками, но дерево уже не слышало.

Оно все ушло в себя и только нежно прижимало к себе малышку, которая отлично чувствовала его ласку.

– Пап, давай еще капельку посидим, – попросила девочка. – Я все-все съем, даже кашу.

– Ладно, но недолго; пора обедать.

Девочка и дерево еще крепче прижались друг к другу, пара на скамейке кокетничала, и ухаживание было в самом разгаре, когда на аллее появилась мать ребенка. Она стремительно шла к дереву, но вдруг остановилась, как вкопанная, расширенными от ужаса глазами глядя на мужа, целующегося с черноволосой девушкой.

– Ой, мамочка приехала, – радостно закричал ребенок, в момент слез с дерева и бросился к матери.

Пара на скамейке на миг окаменела, не в силах разжать сплетенных рук, а потом они резко отскочили друг от друга, как ошпаренные. Но было уже поздно, женщина схватила ребенка за руку и стремглав бросилась из парка. Пара, вскочив со скамейки, побежала следом.

Если бы дерево умело говорить, оно бы рассказало, как все это время призывало молодую женщину, как страстно желало, чтобы она все увидела своими глазами – и случилось чудо: сердце, на протяжении многих лет понимавшее и чувствующее биоритмы зеленого друга, услышало и на этот раз.

Позднее женщина говорила подругам, что вдруг ее потянуло в парк так, что все вокруг потеряло смысл и важно было одно – скорее увидеть своего давнего зеленого друга. Что из этого вышло, наверное, все могут догадаться: женщина развелась с предавшим ее человеком и осталась одна. И опять же дерево могло бы напомнить ей, как предупреждало ее о пустоте и ничтожестве обманщика, как старалось отгородить ее от него, но все усилия были напрасны. Что ж, каждый идет своей дорогой, и даже любовь близких не в силах изменить ход событий.

Время шло, потихоньку подрастала малышка, по-прежнему она с матерью каждый день приходила в парк, и это было такое счастье для дерева, что оно снова помолодело, сбросило груз годов, и окружающие опять любовались его мощью, красотой и необыкновенностью. Незаметно девчушка превратилась в юную девушку, вот и для нее пришла пора устроиться в жизни, вот и она вылетела из родного гнезда и уехала в другой город учиться.

Женщина осталась одна. Конечно же, она старела, грустнела, и даже бесконечная любовь и преданность старого друга не в силах были уберечь ее от болезней и старости, хотя ее одиночество очень тревожило и огорчало дерево. Не такую судьбу желало оно своей любимице.

Дерево тоже не избежало бремени лет. Где-то внутри что-то стало его беспокоить, порой, особенно в холода и под порывами ветра, оно скрипело натужно, и если женщина была рядом, она испуганно и тревожно гладила его ствол. У нее самой появились серебряные нити в волосах, и дерево, пока она не надевала шляпку, также в порыве грустной неж-

ности гладило их своими скрюченными ветвями. Оба пытались проникнуть в самое сердце друг друга, пугаясь малейшей перемены в худшую сторону. По сути, оба были бесконечно одиноки, и если бы не какая-то метафизическая привязанность друг к другу, жизнь была бы для них очень тяжела и малоинтересна. Каждый из них поверял друг другу все, чем жил от встречи до встречи, и это согревало душу и вносило радостные нотки в повседневность текущих дней и превращало будни в небольшие праздники в момент общения.

Бывший муж бесследно исчез, скорее всего уехал из города и не подавал о себе вестей. Был только один человек в этом мире, о котором втайне постоянно думали два одиноких существа, но вслух женщина никогда не произносила его имя. И все-таки невозможное произошло. В один из первых дней осени на аллее парка показался мужчина средних лет в форме полковника, кого-то напоминающий дереву. Женщина, в это время сидевшая на скамейке возле своего зеленого друга, как-то странно замерла, а потом прислонилась головой к стволу.

– Так я и знал, что найду тебя здесь, – прозвучал такой знакомый и женщине, и дереву голос.

– Где же еще мне быть на старости лет? – улыбнулась женщина.

Она встала и протянула мужчине обе руки, которые тот бережно прижал к груди.

– Ну, так уж и на старости? Всего-то сорок пять, а уже старость. Не рановато ли? – мужчина нежно поцеловал сначала одну, а потом другую руку радостно смотревшей на него женщине.

– Какое рано, я вот-вот бабушкой стану.

– Неужели Даша уже замуж вышла? Сколько ей теперь? Если не ошибаюсь, лет двадцать пять.

– Не ошибаешься, действительно двадцать пять. И замуж вышла, ждем малыша. Жизнь продолжается.

Оба сели на скамейку, но мужчина так и не выпустил рук женщины, чего та не замечала, пытаясь скрыть волнение, охватившее ее с такой силой, что она вынуждена была прислониться головой к дереву, ища у него поддержки. Дерево и само было настолько взволновано, что не сразу заметило проседь в волосах, полноту тела и морщинки вокруг глаз, на лбу и у уголков рта того, кого помнило с копной выющихся волос, стройного, с угловатыми порывистыми движениями молодости. И тем не менее это был он – их общая первая любовь.

– Расскажи, как ты живешь? Есть ли детки, жена? – затеребила его женщина.

– Есть, не скрою, и двое детей, и жена, а вот семьи нет. Не получилось семейное счастье. И такое бывает.

– Бывает, – эхом отозвалась женщина. – Я вот уже двадцать лет в разводе.

Мужчина долго и серьезно смотрел на нее.

– А знаешь, я ведь за тобой приехал. Да, да, за тобой, – он ласково погладил недоумевающее лицо женщины. – Вот тут как-то сел и подумал – ведь так и вся жизнь пройти может, а тебя рядом не будет. Это же просто катастрофа, зря прожитая жизнь. Страшнее ничего не придумать. Сел я в поезд и, пока сутки ехал, только одного боялся: вдруг тебя не найду. Сразу в парк побежал, думаю, если ты не уехала из города, только здесь тебя и встречу, день и ночь караулить буду, на лавке спать, но поймаю свое неуловимое счастье. А еще боялся – ты не поверишь, – что дерево наше спилили, где тогда тебя искать? Ужасно страшно было.

Они о чем-то долго говорили, держась за руки, перебивая друг друга, но дерево уже не слушало. Гордое и счастливое тем, что оно играет такую важную роль в жизни этих двоих людей, таких дорогих ему, оно напрочь забыло, что на дворе осень, что впереди зима, а внутри что-то болит. К действительности его вернул голос его любимицы, горячие ее слова жгли дерево, как огонь.

– Я не поеду с тобой. Я растила дочь одна и знаю, что это такое. Не хочу, чтобы твои дети прошли через подобное и твоя жена по моей вине осталась одна, как когда-то я по вине другой женщины. Ни за что не повторю ее подлость, и не уговаривай.

– О каких малых детях ты говоришь? Дочери двадцать три года, я уж два года дед. А сыну двадцать два, он закончил, как и я, военный институт и сейчас за границей с молодой женой.

– Ну и что, – упрямо повторила женщина, – пусть дети выросли, тем более нельзя оставлять жену. Может, ты ей сейчас больше всех нужен? На чужом горе свое счастье не построишь.

– О чем ты говоришь? Моя жена никогда мной не дорожила, мы рядом друг с другом жили так, как порой и соседи не живут. Разные, чужие друг другу люди.

– Это ты так говоришь, а что она считает, нам не известно. Не уговаривай, сказала нет, значит, нет. В юности сделала ошибку, надо до конца самой за нее расплачиваться.

– Хорошо, но почему я страдаю? Разве сейчас ты делаешь не меньшую ошибку, прогоняя меня? Разве можем мы жить друг без друга оставшиеся годы? И сколько их осталось, этих лет, нам отпущенных Богом? Мы должны быть вместе, только это сейчас самое главное.

– Нет, нет и нет, – опять покачала головой женщина, – я семью разрушать не стану. Что бы ты ни говорил, мое решение неизменно. Семья – это святое, и тот, кто разрушает ее, преступник.

Она еще что-то говорила, слезы катились по ее лицу, но она их не замечала. Дерево уже не вникало в суть ее слов, оно поняло одно: сейчас произойдет второй раз самое страшное, то, что уже никто и никогда не сможет исправить, но ни защитить, ни заслонить, ни подсказать женщине, совершавшей на его глазах чудовищную ошибку, оно не сможет, как не смогло в свое время помочь им понять друг друга. Знало оно и еще одно – нельзя допустить, чтобы полковник ушел один, это был бы страшный конец и крах сразу двух жизней. Надо было срочно что-то делать, но что? Ах, как часто дерево страдало от того, что оно не умеет говорить!

Внутри уже привычно заныла какая-то болячка. Дерево задрожало листьями от приступа боли. Но вдруг его пронзила молнией догадка, как помочь тем двоим, с любовью глядевшим друг на друга, но готовым пойти по разным жизненным дорогам.

Долго оно гладило дорогие ему головы мужчины и женщины, нежно целовало ветвями и листьями их лица и ждало. Ждало порыва ветра. А когда ветер набежал и рванул его крону, натужилось стволом и повернулось против ветра. Раза два-три набегал сильный ветер, и дерево в этот момент подставляло ему то место ствола, где терзала его страшная боль. Оно скрипело, качалось и грозно трещало внутри, но не прекращало своих усилий.

На миг погрузившиеся в свой мир, в судьбоносную для себя минуту, мужчина и женщина забыли о зеленом друге. Поглощенные трагичностью расставания, они глядели друг на друга, как только могут глядеть люди, расстающиеся на всю оставшуюся жизнь. Казалось, режь их на куски – они не заметят этого.

И снова налетел ветер, дерево примерилось, поднатужилось, и вдруг страшный треск огласил парк – дерево надломилось и рухнуло на дорожку, но одновременно точно рассчитанным ударом отбросило мужчину, несильно, но отбросило. Мужчина упал, женщина бросилась к нему. Гуляющие в саду тут же вызвали «скорую помощь», и она увезла обоих – одного с легкой травмой, как выяснилось потом, другую в страшной тревоге за него.

Городские службы приехали в парк, долго ходили вокруг рухнувшего великана, удивлялись и его размерам, и его необычной живучести – все нутро у него было совершенно гнилое.

«Просто удивительно, как оно могло жить, такое трухлявое», – говорили прохожие.

Остатки дерева спилили под корень, остался один пенек. Через неделю сюда пришли двое – мужчина в форме полковника и женщина средних лет, державшая его под руку. Они сели на скамейку и долго молчали. Женщина тихо плакала, мужчина осторожно гладил, успокаивая, ее плечи:

– Теперь нас здесь уже ничего не держит, – сказал он.

– Да, теперь уже ничего не держит, – подтвердила она. – Наш друг жизнью заплатил за это мгновение, так будем же всегда помнить об этом и будем достойны его и нашего, так нелегко доставшегося нам счастья.

О душе

В одной деревне в очень давние времена жила девочка, и звали ее Тильда. Была она умна, работяща, доброжелательна и очень красива. И чем становилась старше, тем делалась умнее и красивее. Как любовались ее красотой люди, как охотно бежали за советом подружки, как прислушивались к ее словам ребята и как задумывались над ее рассуждениями взрослые! И рукодельница она была отменная, все в ее руках горело и спорилось, всякое дело ей было по плечу. И казалось, все дается ей легко и просто.

Шло время, девочка выросла, выросли и ее подружки и друзья. Вот уже и гуляющие над рекой парочки появились, вот уже стали краснеть, смущаться и жарко о чем-то перешептываться соседские девчонки, а Тильда все еще смотрела вокруг безмятежными глазами. Дальше больше. Появились у сверстников секреты, но подружки почему-то перестали делиться ими с Тильдой. Она спокойно воспринимала это, не обижалась, была всегда ровна и доброжелательна. А весна бушевала всю, и молодежь совсем потеряла не только покой, но и голову. И вот уже закружились в белых платьях невесты на свадьбах, на улицах с колясками появились молодые мамы. И все это были ее ровесницы и подруги, а Тильда – одна и одна.

И вот что удивительно: из всех девушек самая красивая, умная и ловкая была именно она. А уж рассудительна – никогда оплошности не допустит, а хозяйственна – все в руках горит, кипит и спорится, из воздуха вмиг обед сделает (семья-то бедновато жила). И притом ровная, вежливая, доброжелательная в общении, никогда не нагрубит, не сорвется на крик, не пройдет мимо букой. Сидят соседи в палисадниках своих домов – Тильда остановится, поздоровается. А вот парни как-то странно себя ведут. Не то что они ее не замечают, нет, каждый из них тенью за ней ходил и под окнами вечерами стоял, а потом, глядишь, он уже с ее соседкой над рекой зарю встречает. А Тильде хоть бы что. Никто и ничто не смущало ее сердца. Так же спокойно и безмятежно проводила она свои дни, совершенствовалась в рукоделие, была незаменимым помощником своим родителям. И все-то у нее получалось, все ладилось. Ловко и быстро управлялась она по хозяйству, и в доме во всей округе лучше нее никто не вышивал покрывала и накидки, а таких ковриков и дорожек, какие делала она, и вовсе никто вязать не умел. Стали ей заказывать и покупать ее рукоделие даже из дальних областей, и заказы все множились. Хорошо, богато зажила Тильда с родителями, дом построили новый, не дом, а целое подворье с огромным цветущим садом, урожайным огородом, а уж коровы, свинья, куры да гуси были самыми тучными, дающими больше всех в деревне молока и яиц!

Удачлива была Тильда во всем, и, когда шла по деревне – высокая, статная, красивая, богато одетая (глаз не отвести!), шептались сидящие на лавочках кумушки, что нет ей достойной пары ни в их селе, ни во всей округе. А в соседних домах по вечерам весело зажигались огни и звонко и нетерпеливо хлопали весной, летом, осенью и зимой калитки ее подруг. То их молодые мужья спешили после работы домой, к своим семьям. И только Тильда была одна, тишина и покой воцарились на ее подворье, все реже и реже хлопала ее калитка: какая-то пока одинокая подружка нет-нет да и забежит к ней по старой привычке. Но одиноких подружек становилось все меньше, а потому вскоре калитка и вовсе перестала хлопать.

И вот как-то появился в их селе пришлый паренек: откуда-то издалека приехал он к своей родне, что жила в этих местах, да и остался здесь навсегда. Был он, как и Тильда, высоким, статным и очень красивым, а уж таким ловким и спорым во всякой работе, что и не передать. И удачливым был сверх всякой меры. И дом себе быстро поставил, и хозяйство справное завел, и ремесло имел хлебное – был отличным кузнецом. А уж как горело все в его

руках, всякое дело ладилось, мастером был на все руки – что и говорить, самый завидный жених и самая пара Тильде.

Она одна почти что и осталась в девках, да еще девчушка – подружка, ее ровесница, так, серая мышка, невзрачная, некрасивая, тихая и незаметная. И если все удивлялись, что красавица Тильда никак не найдет себе пару, то уж о той-то сразу говорили, что пропадать ей в девках и век вековать одной. Вот она одна и забежала последнее время к Тильде, жаль только, что редко и мало бывала у нее, вечно спешила. То ей к соседке надо было помочь по хозяйству, то за больным поухаживать, то за детишками присмотреть, когда родители в отлучке. Да мало ли бед и нужды вокруг, вот подружка Тильды и заскакивала к ней лишь на минутку. Но, казалось, Тильда не замечала своего одиночества и не тяготило оно ее совсем. Иногда только кольнет что-то внутри, остановится Тильда, задумается, а потом опять за дела. Так время и шло.

А тут приезжий парень взбаламутил всю округу. Прочили его все дружно в женихи Тильде, и то правда, под стать ей, самая пара. Деревенские кумушки заметили, что он, как увидел однажды девушку на улице, так и остался стоять с открытым ртом. А Тильда ничего, скользнула по нему взглядом, поздоровалась да и пошла себе спокойно дальше. Стал он ей почему-то часто на пути попадаться, говорить ничего не говорил, но смотрел во все глаза, а уж в глазах-то...

Соседи перешептывались:

– Ну, так и есть, влюбился парень. Знать, свадьба скоро.

Доходили и до Тильды все эти разговоры. Стала она все чаще задумываться, стала к нему присматриваться и спрашивать себя, что делать. Никогда никто из парней не смутил и не встревожил ее сердца, никогда она не стремилась вечерами после молодежной гулянки остаться с кем-то наедине, ни с кем не хотелось ей в обнимку (как ее подружки) встречать рассвет над рекой. И красавец парень тоже не запал ей в сердце, не забилося оно ни сильнее, ни жарче. Оценила его Тильда, отметила, а вот полюбить... нет, не влюбилась и на сей раз.

А вот серенькая мышка-подружка совсем пропала: так к парню душой прикипела, что всем на удивление. Да куда ей! Жалко деревенским некрасивую и незаметную, но куда ей против Тильды? И самой Тильде огорчительно за подружку, и сама понимала – не тягаться с ней девушке. Хотя и не любила Тильда парня, а замуж идти надо, сама себя спросила – и решила (посватает ведь вот-вот): «Пойду». Не оставаться же вековухой, уже и к двадцати годам дело идет, по местным меркам вовсе перестарок получается. Пора семью заводить, детишек, а любовь? Ну, что любовь, Бог с ней, с этой любовью. Парень ей под стать – красивый, видный, богатый, до всякой работы жадный, руки у него самые что ни на есть золотые, и в обращении приветливый да и улыбочивый, все с шуткой веселой, с прибауткой. И ко всем сельчанам уважительный. Чем не жених, лучше-то некуда. Да и не бывает, наверное. «Пойду», – твердо решила Тильда, а он взял да и женился на серенькой мышке-подружке.

Деревня так и ахнула, так ходуном и заходила. Что же это такое? Да где же это видано, чтоб эдак-то было: красавицу и рукодельницу не взяли, а на вовсе не приметной, ничем не выдающейся – женились. Ну и ну, вот удивил так удивил. А парень с серенькой мышкой-женой, ни на кого не обращая внимания, зажили весело да дружно, душа в душу. Вот тут-то Тильда и дрогнула, замкнулась в себе, стала сторониться окружающих, не потому что страдала и убивалась с горя, нет, горя никакого не было, одно только великое ошеломление и удивление.

Она вроде уже совсем свыклась с мыслью о замужестве, уже и приготовилась, всего-то и осталось из своего дома в его дом шагнуть, а тут на тебе такое! Но и не это ее мучило, грыз Тильду всего один вопрос: «Чем я хуже своих ровесниц?» А видно, и деревню этот же вопрос в тупик поставил. Но время шло, шла своим чередом деревенская жизнь, все забылось и наладилось, только вот Тильда так и ходила теперь задумчивая и еще больше сторонилась людей. И они теперь тоже как-то странно на нее поглядывали. Хотя, может, ей это просто казалось? Сколько с того случая весен прошло, Тильда не считала, но вот вопрос этот так и остался грызть ее изнутри: «Чем я-то хуже?»

А тут она прослышала, что живет по соседству с их деревней мудрая женщина, которой все ведомо. Думала Тильда, думала да и решилась. Как-то собралась с самого раннего утра и, никому ничего не сказав, отправилась в то село, где жил человек, который на мучивший ее вопрос ответ мог дать. Солнце только-только встало, когда Тильда стукнула в калитку маленького опрятного домика, самого крайнего на улице.

На порог вышла немолодая, но красивая и хорошо одетая даже в этот ранний час женщина в строгом темном платке, повязанном по самые глаза. Глянула она теми огромными глазами на стоящую у калитки Тильду и вдруг сказала сильным, звучным голосом:

– Что тебя привело ко мне, девушка, не имеющая души?

Удивилась Тильда:

– О чем говоришь ты, мудрая женщина? Кого ты назвала девушкой, не имеющей души?

– Ты и есть та самая девушка, – спокойно ответила женщина.

– Как же так, – опять удивилась Тильда. – Я такая же, как все, а ты говоришь такие непонятные слова.

– Заходи, поговорим, – устало махнула рукой женщина, а когда Тильда приблизилась, спустилась к ней, села на ступеньки и девушку усадила рядом.

– Где твои родители? – спросила неожиданно.

– Недавно умерли.

– А ты горюешь, поминаешь, добрые слова говоришь, ходишь к ним на могилу?

– Конечно, хожу. Всегда в день их смерти несу им цветы, а горевать, помянуть да добрые слова говорить – времени нет, едва-едва с делами управляюсь, одна ведь я совсем на свете, помочь некому.

– А помогаешь ли ты кому-нибудь?

– Я же говорю тебе, едва-едва сама с делами справляюсь. У сельчан моих тоже руки есть, сами и справляться должны.

– А вот я знаю, в твоей деревне много семей многодетных, может, им денежку даешь?

– Ну вот, опять удивила. Если они столько детей завели, я-то тут при чем? Коль не могут их прокормить, то и рожать нечего, только нищету плодить.

– А к старикам заходишь присмотреть, все ли в порядке?

– И это незачем. У них свои дети есть, должны за старыми родителями доглядывать.

– Кто заболит в селе, заходишь ли проведать да поделывать что-то по дому, чтоб человеку облегчение сделать?

– Я же говорила тебе, может, ты недослышала? Я сама едва-едва со своим хозяйством справляюсь, некогда мне по чужим дворам бегать.

Мудрая женщина вздохнула, помолчала, а потом опять спросила:

– Ну, а вот коли радость в доме твоих ровесников – ты радуешься за них, идешь с поздравлениями?

– Мне-то что в том хорошего, – пожала плечами Тильда, – в чужом доме радость – чужая радость, мне от нее ни жарко ни холодно. – Потом подумала и добавила: – Хотя это все-таки лучше, чем пришли бы к ним горе или беда. Вообще-то мне надо о себе самой думать, у меня никого нет, кто бы за меня думал да обо мне заботился.

И снова вздохнула мудрая женщина, и снова надолго замолчала.

– А любила ли ты когда-нибудь? – спросила она отчужденно и даже вроде как-то нехотя.

Тильда задумалась:

– Да я вроде всех люблю.

– А что такое, по-твоему, любовь? – заглянула ей в глаза мудрая женщина.

– Ну, это когда тебя привечают, останавливаются поговорить, заходят в гости. А еще того лучше, разные там подарки дарят.

Покачала головой женщина:

– Вот я и говорю, всем взяла ты: и умом, и красотой, и ловкостью, а души в тебе нет. Холодно с тобой рядом, вот люди холода и сторонятся.

Они надолго замолчали, а потом Тильда тихо спросила:

– Мудрая женщина, не скажешь ли теперь мне ты, что такое любовь?

– Любовь? Кто же из живущих на земле может точно сказать, что это? Она у каждого своя, и сколько людей, столько и любви, вот что я тебе только сказать могу.

– Значит, и ты не знаешь?

– И я, – мудрая женщина подняла голову и долго смотрела вдаль. – И еще одно лишь скажу. Когда есть душа, есть любовь к земле, к родителям, к друзьям и к тому, кого Господь определил твоей половиной.

– Может, и я любила кого-нибудь?

– А билось ли твое сердце в груди так, что казалось, это биение слышит весь мир, когда ты видела человека, которого любишь?

– Нет, – покачала головой Тильда.

– А может быть, пело в тебе все, и весь мир сиял нестерпимым светом, когда шел к тебе твой человек навстречу?

– Нет, – снова ответила Тильда.

– А может, вселилось в тебя сто человеческих сил, все было тебе по плечу, все могла ты сделать и даже не заметить, что ночь сменяет день, если он рядом?

– Нет, я не знаю, о чем ты говоришь.

– Значит, ты не знаешь, что такое любовь, – спокойно и твердо сказала мудрая женщина.

Низко-низко опустила голову Тильда и еле слышно спросила:

– Ты говорила о душе, мудрая женщина. Что же такое душа, скажи мне?

– Душа дана нам Богом, она всю нашу земную жизнь слышит Божий голос и учит нас истинной любви, истинной вере и истинному смирению и благочестию. Она же помогает нам жить в согласии с Господом, с окружающим миром, с нашими близкими и с самими собой. Ею мы любим, страдаем, очищаемся. Душа связывает нас с Богом и обещает земным людям спасение, если они благочестивы.

– Что же теперь делать мне, если ее у меня нет?

– Заслужить, – коротко ответила мудрая женщина.

– А как?

– Трудно это, но возможно. Вот тебе первое задание. Иди к больным, к калекам в приют и служи им. Через пять лет ко мне придешь, скажу, что дальше делать.

На том и расстались. Пошла Тильда домой, долго соседи видели, как поздно ночью все еще горел в ее окнах свет. А потом вдруг она куда-то пропала. Неожиданно для всех распродала хозяйство, заколотила дом и исчезла. И ни один человек в деревне не знал, куда она делась и что с ней.

И вот ровно через пять лет снова стукнула калитка, и на стук на крыльцо своего дома вышла мудрая женщина. У забора стояла Тильда, она чуть похудела и посерьезнела, что-то изменилось в ее лице, но по-прежнему девушка была очень и очень красива.

– Я выполнила твое задание, – сказала Тильда, – пять лет я прожила в доме престарелых, и не было из них ни одного человека, который бы ни благословил меня перед своей смертью.

– Знаю, – ответила мудрая женщина, – мне многое ведомо, я все пять лет видела тебя. Ты совершила человеческий подвиг.

Тильда на минуту задумалась. Можно ли назвать подвигом то, что она делала эти годы? Она вспомнила каждодневные ночные бдения у постелей больных и умирающих стариков, вспомнила, что все эти пять лет за сутки ей едва удавалось поспать больше четырех часов и иногда от усталости у нее подкашивались ноги, не было сил разлепить закрывающиеся глаза, и руки повисали, как плети, от бесконечной работы. Но она усилием воли преодолевала все и снова и снова мыла, убирала, стирала, готовила, сидела у постелей нуждающихся в уходе. И была всегда спокойна, доброжелательна, ровна, и хоть улыбка редко появлялась на ее лице, потому что и раньше Тильда была неулыбчива, глаза ее смотрели на окружающих внимательно, с ласковой приветливостью. Все это так, но подвиг ли это?

Мудрая женщина словно вместе с Тильдой тоже вспоминала прошедшие годы, в глазах ее вспыхивали порой какие-то искорки, она смотрела мимо Тильды с ласковой и нежной улыбкой в ей одной ведомую даль и иногда кивала головой тому, что видела. Но вот она вздохнула, перевела взгляд глубоких темных глаз на Тильду и сказала:

– А теперь иди в свою деревню, там твой дом стоит сиротой, оживи его, пусть снова весело загорятся его окна, захлопают двери и расцветет сирень у забора. Только вот все, что ты заработаешь, а надо много работать, ты отдашь тем, кому живется хуже, чем тебе. Ты должна будешь оставить себе только самое необходимое, а остальное раздать тем, кому плохо. И так снова целых пять лет.

Ничего не ответила ей Тильда, молча поклонилась и пошла со двора. А вскоре на деревенской улице повстречали удивленные соседи вернувшуюся в свой дом Тильду. Спокойно и уверенно открыла она родную калитку и поднялась на крыльцо. Закипело, закрутилось все в ее ловких руках. Как по волшебству появилось снова большое хозяйство, молодцевато приосанился старый дом, обновленный и ухоженный, потянулись из окрестных деревень люди покупать удивительной красоты накидки и дорожки, сделанные золотыми руками мастерицы-искусницы. И все вроде стало по-прежнему. Но Тильда еще больше удивила соседей. Каждый день появлялась она в чем-то бедном или нищем доме, и все сразу менялось на

глазах. То деньгами, то продуктами своего большого хозяйства Тильда поставила на крепкие ноги не одну семью, поддержала и вывела в люди многих сирот и детей многодетных родителей. Достаток и уют вошли в дом всех одиноких людей в округе. Так что хоть и по-прежнему потекла жизнь Тильды, а все не так.

Бывало раньше идет она по улице – ну, поздороваются с ней сельчане, ну, кивнут головой, может, посмотрят вслед красивой девушке – да и пойдут себе спокойно дальше. А то и просто посторонятся, молча пропустят ее – то ли заметили, то ли и не видят вовсе. Тут же: не успеет Тильда выйти за порог дома, а уж ей со всех дворов весело и звонко кричит детвора:
– Добрый день, Тильда!

Идет ли Тильда по улице, окно каждого дома откроется:

– Здравствуй, Тильда, заходи, не проходи мимо.

Берет ли воду в колодце, сразу кто-то подбежит:

– Не помочь ли тебе, Тильда?

Если соседи работают во дворе, а девушка проходит мимо, тут же за калитку выскочат:

– Доброго здоровья, Тильда.

И со всех сторон улыбки, радостные возгласы:

– Как поживаешь, Тильда?

– Иди к нам, Тильда.

– Заходи попить чайку, Тильда!

– Приходи в гости, Тильда.

А кто-то нет-нет да и протянет ей застенчиво цветы из своего сада, или полевые, или из леса. И так все пять лет.

А через пять лет снова Тильда подошла к дому мудрой женщины. Та ждала ее, стоя на крыльце.

– Я сделала так, как ты сказала. Какое задание ты мне теперь дашь?

– А ты готова к нему?

– Да, – просто ответила Тильда, а потом взглянула на небо, и беспокойство мелькнуло в ее глазах: – Говори скорее, мудрая женщина, сейчас, видно, будет гроза, а соседка уехала в город, и малыши ее остались одни. Очень уж они грозы боятся. Надо бы мне бежать к ним, успокоить.

– А соседка попросила тебя присмотреть за детьми?

– Нет, не просила, откуда ж ей было знать, что будет гроза?

– Так чего же ты торопишься, если тебя ни о чем не просили?

– А зачем просить? Разве не видно, когда кто-то в беде или нуждается? Без их просьб все внутри разрывается от боли за них.

Мудрая женщина улыбнулась:

– Вот ты и закончила свой жизненный урок, девушка, имеющая душу. Ступай себе с Богом, твоя душа всегда теперь будет с тобой на земле, а когда ты эту землю покинешь, она уйдет к Господу, как и должно быть.

Радостно вернулась домой Тильда. И еще веселее и светлее стало ее красивое лицо, еще звонче голос и приветливей улыбка, с еще большей энергией стала она помогать окружающим. А повода к тому было много. Всегда найдется рядом тот, кому нужна помощь.

Тут вскорости геологи в их округе объявились, люди говорили, что они нефть ищут. Вот из этого-то геологоразведочного лагеря к Тильде и прибежали. То что-то из продуктов она им даст, то теплых вещей навяжет, то лекарственных трав соберет, засушит и им передаст: ведь за годы ее служения людям она овладела многими знаниями, могла и лечить травами да настоями, вот к ней и бежала вся округа, когда кто-то заболел. Потому-то однажды и влетела к ней в дом вихрем испуганная повариха из лагеря:

– Помоги, Тильда, косит людей наших какая-то болезнь.

Побежала с ней девушка – и правда, почти в каждой палатке больной. Мечутся в жару и кашляют надрывно.

Больше десяти дней провела в лагере Тильда, всех выходила, а один геолог никак не поправляется. Думала девушка, думала и решила: «Заберу к себе домой, там сподручнее будет за ним ухаживать. И хозяйство не заброшу. Болезнь прочно в человека въелась, тут не одна неделя нужна, чтобы ее побороть». Как решила, так и сделала. Забрала геолога с собой и стала его выхаживать.

Долго и трудно боролась Тильда за жизнь этого человека, самоотверженно ухаживая за ним, и болезнь понемногу стала отступать, а потом и вовсе отступила под напором усилий Тильды. Геолог потихоньку стал ходить по комнате и уже встречал Тильду у дверей, помогал раздеться и даже пытался сделать что-то самостоятельно: накрыть стол к ужину, подмести в комнате, прибить что надо или починить сломавшуюся вещь. Они весело ужинали вместе, и в доме было так светло и уютно, как никогда прежде в ее жизни. И вообще, Тильда заметила, что все было в этот период необыкновенным и удивительным.

Ну, во-первых, поутру раньше никогда так радостно и звонко не пели птицы; во-вторых, небо никогда не было таким пронзительно голубым и чистым, а в-третьих, никогда еще цветы не пахли так одурманивающе и пряно, особенно ее любимые розы. Тильда недоумевала, отчего раньше она не замечала, что окружающий мир так прекрасен. Но самое большое чудо было в ней самой. Никогда прежде она не просыпалась с мгновенным ощущением беспричинной и беспредельной радости, никогда еще не пело и не ликовало все у нее внутри, не было такого прилива сил. Казалось, она забыта, что такое усталость, грусть и желание, чтобы скорее кончился день. Сейчас, наоборот, ей хотелось, чтобы ночь никогда не наступала, ведь так жалко было времени, отданного сну, так много дел можно было сделать, столько рассказать своему гостю и столько интересного услышать от него.

Дни летели незаметно, и Тильда не считала, сколько их прошло с тех пор, как она стала выхаживать геолога. Но вот в одно наступившее утро, пока Тильда готовила завтрак, он походил совсем уже бодро по комнате, а когда они сели за стол, спокойно и уверенно сказал:

– Не знаю даже, как мне благодарить тебя, Тильда. Сама знаешь, что ты спасла меня. Если бы не ты, болезнь меня бы одолела, хоть я и крепкий орешек. А сейчас я чувствую, что почти совсем здоров. Послезавтра надо будет отправляться к товарищам в лагерь и браться за работу. Спасибо тебе.

Тильда выслушала его и улыбнулась:

– Я рада, что ты выздоровел, я рада, что ты вернешься к друзьям и снова будешь заниматься своим любимым делом. Будь здоров и счастлив, это и есть моя награда и твое спасибо.

И она пошла заниматься своими привычными, обычными делами.

Но вот незадача, этот день выдался, видимо, каким-то неудачным. Работа не спорилась, как раньше, иногда Тильда даже как бы вообще забывала, что делает, и о чем-то глубоко задумывалась, но о чем? Птицы в это утро тоже почему-то не пели, небо хмурилось и даже цветы не пахли. Она и так, и эдак наклонялась к своим любимым розам, но нет, сегодня они не пахли. Никто не мог ей подсказать, почему вернулась грусть, а радостное ликование внутри кончилось. А тут еще к концу вечера навалилась такая усталость, что она, зайдя в хлев доить корову, прижала к себе ее умную теплую морду и неожиданно расплакалась.

Она даже не плакала, а рыдала навзрыд, и ей казалось, что внутри у нее сердце разрывается на части. И что это вдруг на нее нашло! Сколько она себя помнила, ей не доводилось реветь. Была она не из слезливых. Как бы тяжело в жизни и на душе ни было, слезу из нее вышибить не удавалось никому и ничему. А тут? Еле переставляя ноги, шла она домой. Значит, уже послезавтра не будет этих веселых бесед во время завтрака и ужина, никто не встретит ее на пороге, не снимет с нее пальто и не спросит: «Ну, как сегодня твой день прошел, что было хорошего?» Никто не расскажет ей столько интересного о людях и окружающем мире, а ведь она уже привыкла каждый вечер слушать захватывающие дух истории из жизни человека, этот мир повидавшего и знавшего столько, что и за всю ее жизнь ей бы не наскучило его слушать. Ни с кем теперь не поделится прожитым она. Ведь и ей довелось за десять лет служения людям пройти через многие испытания, и она тоже так нуждалась в добром и внимательном слушателе.

Тильда открыла дверь в дом и увидела, что стол уже приготовлен к ужину и за ним, низко свесив голову, сидит геолог. Тильда застыла на пороге.

– Добрый вечер, – неслушающимися губами проговорила она.

– Добрый вечер, – глухо отозвался он.

Они помолчали. Тильда все еще стояла в рабочем пальто, но совершенно не замечала этого.

– Знаешь, я, пожалуй, завтра утром уйду в лагерь к ребятам, – начал геолог, – им без меня трудно. А я уже совсем здоров, и отлеживать бока мне стыдно.

– Да, – безжизненно отозвалась Тильда.

– Спасибо тебе за все.

Он помолчал, молчала и Тильда.

– Я здоров и снова буду много работать и много ездить по свету, ведь меня нигде никто не ждет, нет у меня ни семьи, ни дома и нет человека, которому я дорог и нужен. Вольная птица, – он опять замолчал, сидя все так же с низко опущенной головой.

В комнате стояла звенящая тишина, и Тильда, замерев у двери, ни за что на свете не нарушила бы ее.

– Но, знаешь, – вдруг снова заговорил геолог, – больше всего, больше самой жизни, мне хотелось бы не уходить отсюда никогда, потому что впервые за всю мою жизнь я захотел,

чтобы именно здесь были мой дом, моя семья и тот самый человек, которому я один из всех живущих людей на земле дорог и нужен.

Опять он замолчал, также молча стояла и Тильда. И тогда впервые за весь разговор он поднял голову и посмотрел на нее.

Ему навстречу вдруг хлынуло небесной красоты счастливое сияние ее глаз, лицо Тильды сияло божественным светом любви, а ее солнечная улыбка озарила всю комнату. И хотя на улице была уже осень, холодная и ненастная, лил дождь и хмурое небо темнело тучами, в доме Тильды расцветала весна, она даже могла поклясться, что вдруг отчетливо услышала майские трели соловья и почувствовала нежный запах ландыша. Молча смотрели они друг на друга. Слова совсем не были нужны, они были даже лишними, эти земные слова. И тогда такое же счастливое мерцание небесной красоты его глаз хлынуло ей навстречу, и теперь уже его солнечная улыбка еще ярче заставила засверкать комнату, и, словно зеркальное отражение, уже его лицо засияло божественным светом любви. Счастливо вздохнув, он сказал:

— Да, я нашел свою семью и человека, которому я один из всех живущих людей на земле дорог и нужен. Я нашел свой дом.

Вот так, хоть и поздно, пришло к Тильде простое человеческое счастье, самое настоящее и на всю жизнь. Именно то, которое и обещал Господь всем людям, любящим Его и имеющим Душу.

О зернышке любви

В сказочном заколдованном лесу росло маленькое, совсем крохотное чудесное деревце – деревце любви. В заповедной чаще, где оно произрастало, не было ни единого следа человека. Только птицы, звери и рыбы знали о нем: иногда, когда приходило время, они склеывали или проглатывали одно зернышко с его крошечных плодов, висевших игрушечными гроздьями, но этого вполне хватало для начала великого таинства любви.

Рядом с деревцем любви росло деревце ненависти, оно было точной копией первого, но его спелые плоды-зерна не срывал никто. По неписаным законам, установленным хозяином леса, что-либо из здешних растений можно было употреблять в пищу только по высочайшему разрешению и в определенное время. Деревце же ненависти в перечне съедобных названо не было, потому лесное зверье не обращало на него никакого внимания, даже как бы и не замечало его в суете повседневности. Да и что за прок его замечать, если оно для них было совершенно бесполезно?

Хозяин леса запретил животным, рыбам и птицам разглашать тайну дерева любви, скрытую от людских глаз, и они с почтением приняли эти условия. В мире животных воцарился порядок, а тот породил покой и размеренность. Лес вырос таким огромным, что совсем скрыл от людей свою великую тайну.

В самом близком к этому лесу селении жила девушка, которую звали Марта, встречалась она с парнем, в общем, дело шло к свадьбе. Девушка она была неплохая, веселая, озорная, в меру отзывчивая, в меру добрая – обычная девчонка, что тут говорить. Да и парень в грязь лицом не ударил, очень ей в пару подходил. Односельчане уже их чуть ли не поженили, ан нет, глядь, его уже другая увела.

Как Марта переживала, трудно и передать, кто себя на ее место поставит, тот и ее сразу поймет. Чуть умом не тронулась, бедняжка. Вот как-то увидела она их вместе (в поле цветы собирали) и бросилась в чащу леса, не глядя, куда ноги несут. Очутилась девушка в такой глухомани, что любого дюжего мужика оторопь возьмет, а ей все нипочем, кинулась лицом в траву на пригорке у реки и ну реветь. Сейчас ей чем дальше от людей, тем легче, хоть повыть вволю можно без расспросов да соболезнований. В общем, выла да стонала на весь лес так безутешно, что все зверье переполошила.

Собрались зверушки в кустах, тихо переговариваются, что, мол, такое за чудо? В реке рыба всплыла, к берегу прибилась, тоже хочет знать, что за сыр-бор здесь разгорелся. Птицы галдеть перестали, из гнезд повысыпали и на ветвях расселились. И их забрало за живое, что это за лихость такая в их краях объявилась.

А Марта ничего не видит, ничего не слышит, ревет – белугой заливається. Час ревет, два ревет, надоело зверью слушать, вот они и подталкивают к ней зайца:

– Иди, ты в сказках самый добрый, тебя все любят: и дети, и взрослые. Она тебя не испугается, расскажет, что у нее за беда лихая приключилась.

Заяц мялся, мялся (он же трус известный), но его просто-напросто выпихнули из кустов. Подкрался он к лежащей ничком девушке и положил ей лапку на плечо. Марта и вправду не испугалась, самое страшное для нее уже произошло – друга потеряла – все остальное так, семечки, если можно так сказать. Обернулась она, зареванная, с опухшим от слез лицом, к зайцу, а тот и говорит:

– Ты чегой-то здесь надрываешься, али горе какое приключилось?

– И не говори, зайныка, вот уж горе так горе, вовек не выплакать.

– Да что такое, скажи толком.

Села девка, сняла платок с головы, слезы им вытерла и говорит:

– Был у меня парень, дружили мы с детства, договорились пожениться, но родители зарок наложили: как в деньги войдете, так и женитесь, а нищету нечего плодить. Ну мы и копили, работали оба, без родительского-то благословения выходить замуж да жениться нельзя – все равно счастья не будет. Надумал мой парень в город на завод податься, вроде там платят больше. И я, дура, согласилась. А он домой все реже и реже появляться стал, я уж стороной узнала, девка заводская у него появилась. Конечно, она городская, модная, а я что?.. Только вот школу кончила, а так ни профессии, ни мастерства, работаю на ферме, коровам хвосты кручу, вот он на ту и польстился. Известное дело, в городе жить – не в деревне грязь месить. Она в туфельках да в сапожках, а я в ботах да валенках. Есть разница? То-то и оно, что есть.

Тут Марта закрыла лицо платком и давай пуще прежнего реветь, заяц аж уши заткнул, так их заложило.

– Ты погоди, не реви, может, твоему горю еще помочь можно.

Что-то похожее на улыбку скользнуло по зареванному лицу девушки:

– Уж не ты ли поможешь?

– Я. А почему бы нет?

– Может, ты в жены меня взять хочешь, так я за косого не пойду.

– Ну вот, – обиделся заяц, – чуть что – сразу косой. Я тебя жалею, помочь хочу, а ты насмешничаешь.

– Ну, не буду, не буду, спасибо тебе за сочувствие, а уж помощи мне ждать совсем неоткуда, знать, пропадать мне от сердца разбитого.

– Ты вот что, духом не падай, тут сиди и никуда отсюда не уходи, а я быстро.

С этими словами зайчик исчез, и вы догадываетесь, куда он задумал бежать за помощью. Но сначала рассказал он всё своим братьям. Вкратце изложил зверушкам беду девушки (так, мол, и так, пропадает девушка пропадом через любовь эту самую человеческую) и сказал, что помощь может прийти именно от них, если они его замысел поддержат: дадут согласие на то, чтобы он использовал силу дерева любви. Конечно же, зверушки не

возражали. Послали самого быстрого – гепарда, и через весьма непродолжительное время тот принес крохотное зернышко, которое заяц с одобрения собратьев понес девушке. Она уже не плакала (сил совсем не было), а лежала ничком на траве.

Заяц опять дотронулся лапой до ее плеча и говорит:

– Вот, возьми это зернышко и дай его проглотить своему парню, а там увидишь, что будет.

Поднялась девушка с земли, села поудобнее, взяла зернышко. Лежит оно на ладони, маленькое, формой сердечка, ярко-красного цвета, и ладонь прожигает – такое горячее.

– Что это? – удивилась девушка. – Где ты это взял и зачем?

– Где взял, там его уже нет, а вот беду твою оно поправит, потому что волшебное. Полюбит тебя твой друг, вот увидишь, никто не будет нужен ему кроме тебя.

Засмеялась Марта счастливо и побежала скорее в деревню, едва «спасибо» зайцу бросила, да он не обиделся. Всякое бывает, если ум за разум зайдет, а у девушки, видно, так и случилось. Дала Марта парню зернышко, все резко изменилось. Он от нее ни ногой, в глаза смотрит, каждое слово ловит и о любви твердит, как дятел, с утра до вечера.

Прошло какое-то время: все хорошо, все устроилось, начали готовиться к свадьбе, жених от радости гоголем ходит, а Марта сникла. Парень у нее неплохой, это правда, все теперь справедливо, но вот особого богатства у него нет, еще не нажил. Если сам он об этом не тужил (какие его годы!), то она вдруг задумалась. У нее было чудодейственное средство любого, самого красивого и богатого заполучить в мужья, а она дала это средство простому заурядному парню! Как же опрометчиво она поступила!

И Марта уже день и ночь думала только о том, как добыть ей снова то крохотное зернышко. Уж теперь-то она умная и распорядится им правильно, тем более объект наметился. В их деревне строил себе виллу какой-то промышленник. Марта еще не видала его, но это и не важно. Какой бы он ни был из себя, она знала, что не в этом дело, а в том, что он даст ей ту красивую, полную роскоши жизнь, которую показывают в кинофильмах на экране.

Собралась Марта с духом и отправилась в лес на то же место. Села на пригорок и давай реветь белугой. Надрывалась до тех пор, пока не повторилось все то, что было в прошлый раз. По кустам засело собравшееся и одуревшее от ее рева зверье, а заяц пошел на разговор.

– Что теперь-то случилось? – вопрошал он льющую слезы и стенающую Марту. – Неужели не подействовало?

– Подействовало, подействовало, – успокоила зверушку Марта, – но мне так трудно, так трудно!

– Да в чем дело? Говори толком.

– Ах, – завздыхала девушка, – у моего парня ни кола ни двора. С теткой живет, мои родители люди бедные, у них еще трое ртов. Мы поженимся, а жить на что станем? Родные от нас помощи ждут, а не то что нам помогать могут. Вот я и горюю, что неправильно зернышком распорядилась. Мне бы его дать тому, кто и себя, и моих родных прокормит, да такие женихи на дороге не валяются, они уже все пристроенные.

Заяц молчал какое-то время, а потом и говорит:

– А есть кто на примете-то?

– Есть, конечно, как не быть. Приехал в наши края один богатей, не дом, дворец построил, вот мне бы его в мужья.

Заяц поежился:

– Холостой мужик-то?

– Да вроде.

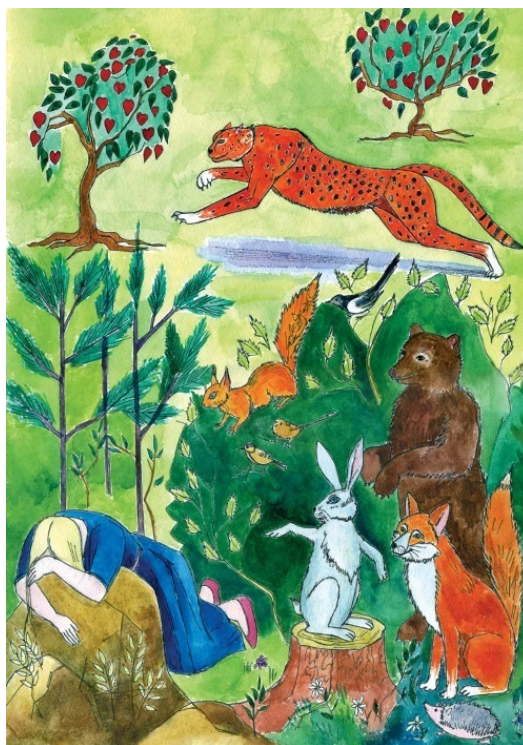
– Что ж, будь по-твоему, пожалею тебя и на этот раз.

Побежал заяц к сотоварищам, в кустах залегшим, рассказал о просьбе Марты. Задумалось зверье – да что они понимали в жизни людей? Раз человек просит, значит, нужда у

него, а что такое нужда, они-то хорошо знали. В общем, дали «добро» на помощь Марте, и гепард снова побежал в заветное место. Получила девушка чудодейственное средство и поменяла свою судьбу. Стала женой очень богатого человека. Тот, первый, любовь ее прежняя, страдал и мучился, зернышко покоя не давало его сердцу, но и второй ее избранник любил ее (опять же благодаря зернышку) крепко и нерушимо. На счастье, он был разведенный, и никому Марта дорогу не переходила, только один человек места себе не находил по ее вине, но Марта старалась об этом не думать. Муж ввел ее в свой круг, и она закружилась в вихре развлечений.

Сказочная жизнь началась у Марты. Муж безумно ее любил и исполнял малейший ее каприз, все сложил к ее ногам. Жила девушка и вся ее родня, катаясь как сыр в масле. Каких только платьев ей не надарил муж, каких только бриллиантов не навесил! Ходила, сверкая, что елка новогодняя.

Повез муж ее на модный курорт, вырядилась Марта как на смотрины, все самое лучшее да дорогое на себя нацепила. Глядь, а не она всех затмевает. В их компании один миллионер свою жену нарядил так, что равных ей не было, да и сам он – богач из богачей. Молодая жена воображает, нос задирает (Марта ей по богатству и в подметки не годилась), разговаривает со всеми свысока, смотрит надменно. Задело все это Марту за живое, терпела она, терпела да и подалась опять в лес по проторенной дорожке.

А в лесу что – жизнь своя, кипит и бьет ключом, человеку не понять, ну, а для зверушек человеческая жизнь – потемки. Услышали они вопли Марты, опять зайца посылают:

– Поди, узнай, что на сей раз у нее приключилось.

Заяц прибежал, Марту допросил:

– Что за лихо тебя опять пригнало?

Марта говорит, не любит она мужа, он-то ее любит безумно, а она на другого смотрит, все глаза проглядела, жизнь без него не мила. А он на нее и смотреть не хочет.

– Женат? – подозрительно спрашивает заяц.

– Что ты, что ты, нет, конечно, – соврала Марта, – на женатого бы я не польстилась.

– Уж и не знаю, что тебе сказать, – заворчал заяц, – какая-то у вас, у людей, любовь непонятная, то одного любите, жить без него не можете, то другого. Тогда, в первый раз, того и гляди в омут с головой бы ухнула, а теперь уж и третий стал дороже. Ладно у нас, в нашей природе заложено кому-то каждый год новую семью заводить – закон такой хозяин леса установил, но для кого-то зато на всю жизнь одна любовь, во второй раз и не подумают о паре, если что, так жизнь свою и порешат, а без друга жить не будут. Опять же хозяин леса закон такой прописал, а вам, людям, и законы не писаны. Свои установили, да и их не исполняете. Ладно, помогу тебе в ostatний раз. Что с тобой поделаешь? Глядишь, может, это оно и есть – твое счастье непутное.

Убежал заяц к своим и там давай за Марту голос подавать, уж очень зверушки обозлились на людскую любовь. Возмущались, возмущались, птицы такой гвалт подняли, хоть из леса беги, а рыбы глаза как выпучили, так с выпученными и остались, открывают рот, а от негодования и звука произнести не могут. Вот это да, первый раз зверье такое слышит, стыд-то какой! А еще люди – цари природы! Срамота одна, да и только. Но заяц уломал все-таки лесной народец бить челом хозяину леса, просить исполнить в последний раз просьбу Марты. Разгневался лесной хозяин, погудел, погудел, но разрешение свое все же дал, уж очень зверушки просили. Сбегал гепард по уже проторенной дорожке, мигом обернулся, заяц Марте зернышко на ладонь положил крохотное, сердечком, оно насквозь прожигало руку. Обрадованная девушка, времени зря не тратя, вечером в гостях у своего избранника кинула ему в еду его будущую любовь.

Что вы думаете, влюбился мужик без памяти, словно в первый раз. На Марту глядит – как будто только что ее увидел. Долго ли, коротко, но бросил он свою семью и девушку к себе увел, стали они вместе жить; Марта в такие деньги вошла, в такое богатство, что и во сне не увидишь. Муж перед ней на задних лапках ходит, глазами ее ест.

Одно плохо: характер у него жесткий, властный, грубый, даже хамоватый. Запер он Марту в доме, никуда носа высунуть не дает, боится, что ли, что уведут, как он увел? Прежние-то двое очень по девушке убиваются (зернышко свое дело сделало), а Марте дома до того тошно, хоть на стены бросайся. Ни наряды на людях не показать, ни драгоценности, ни в машине, какой ни у кого нет, по городу не покататься, не ловить завистливые взгляды прохожих. В общем, тоска такая, что и богатство не мило. А тут муж услышал, что в народе говорят, что коль мужик жену любит, то бьет ее как Сидорову козу. С его характером этот закон вполне совпадал, мол, бьет, потому что любит. Стал он поколачивать нашу Марту так, что у той вся охота на любовь пропала.

Улучила она момент и побежала в лес. Села на заветное место, опять ревет ревмя, теперь уж не в шутку. Хотело зверье от нее отказаться (предупреждали ведь), но уж очень вид у нее жалкий был, худющая, вся в синяках. Вот это любовь так любовь! За версту видно, как сильно ее муж любит. Сжалилось зверье, не бросать же дуреху в беде, а то совсем супругник ее убьет, если дело так пойдет дальше. Гепард в чащу рванул, заяц зернышко вынес, даже не расспрашивая. Схватила Марта зернышко, побежала домой, стала вокруг мужниных друзей и товарищей себе пару приискивать. Надо было в этот раз бить наверняка (зверушки больше ее не уважат), не промахнуться бы. Так она выгадывала да выгадывала, пока муж не заподозрил неладное.

Только она себе пару наметила (мужа и побогаче, и нравом потише) и опустила ему зернышко в бокал, муж тут как тут. Что ты, мол, моя разлюбезная, это делаешь, уж не отраву ли какую сыпанула? Да такой ей допрос с пристрастием учинил, такую выволочку ей устроил, что забыла она, как зверушкам слово давала обо всем молчок, и рассказала мужу про зернышко. Муж ей не поверил, потащил ее в лес – показывай свою тайну.

Пришли на заветное место, муж спрятался (Марта его попросила, говорит, не выйдут к ней, если его увидят). Сидит, ревом исходит, ну заяц по доброте своей опять и вышел, неда-

ром говорят в народе про добрых людей в такой ситуации – сто первое серьезное китайское предупреждение.

Только он к Марте подошел, муж из засады выскочил и хватя его. Говори, косой, что это за зернышко такое. Что тут делать? Зверушки по кустам сидят, от страха за собрата обми-рают. Рассказал все косой про деревце любви, куда тут денешься – жизнь на кону. Мужик и говорит:

– Я тебя в залог беру, пусть кто-то из твоих этих зерен мне побольше добудет, в моем бизнесе они мне ой как пригодятся, простофиль обрабатывать. В такие деньги войти можно, что дух захватывает, богаче всех стать можно. Дураки-то, проглотив зернышко, полюбовно денежки свои мне отдадут, а уж тут мошенничеством и не пахнет, любовь-то кто судить будет? Если человек сам, добровольно, по любви все нажитое отдает без всякого принужде-ния и насилия – какой уж тут суд, тут психушкой пахнет, а не судом.

Держит он зайца за уши, а для полной остратки палкой слегка поколачивает. «Я, мол, не шучу, давай, выкупай свою жизнь». В этот раз гепард неся быстрее молнии, даже лесного хозяина в известность не поставил, того и гляди заячья жизнь оборвется. Получили Марта с мужем целую гроздь зернышек. Яркие, крохотные, красные, сердечком, чуть не сожгли их обоих, так и несли, из рук в руки, обжигаясь, перебрасывали.

Пришли домой, терпежу нет, давай всем зернышки подбрасывать в еду. Муж Марту заставил зернышко проглотить, чтоб привязать к себе навеки, она, рыдая, его упростила съесть еще одно: может, поболеет характером, перестанет драть ее как Сидорову козу и будут они во всеобщей любви жить-поживать и в полном смысле добра наживать.

Так-то все бы и было, если б хозяин леса, которому все ведомо, гепарду деревце нена-висти не подсунул. Тот и принес гроздь с него. Что тут началось, кто кому и как бока наломал, мы вам и не перескажем, но только не в деньги вошла наша пара, а в такие беды и напасти, что голышмя по миру пошли и между собой перелаялись так, что на дух один другого не выносят с тех пор.

О красоте

В одном затерянном в горах королевстве и случилась эта история, которую долго еще рассказывали своим детям и внукам его жители, потому что история эта о красоте и о любви. И то сказать, куда же от любви денешься, если речь идет о молодости и красоте.

Итак, в одном королевстве, кстати, богатом и благополучном, все жители были исключительно красивы, но никто не мог сравниться с королевской дочкой. Вот уж эта принцесса, по единодушному мнению всего народа, бесспорно могла быть признана истинно сказочной красавицей. Взглянуть на нее хоть одним глазом было великим счастьем и заветной мечтой каждого. Сколько молодых людей всех сословий сходило с ума от любви к ней – и не счесть! Да что там молодежь, для мужчин королевства разных возрастов большим испытанием мог быть всего лишь один взгляд дивной красавицы. Потому-то, боясь потрясений и волнений в народе, король и королева всячески старались, чтобы принцесса поменьше появлялась на людях, и даже портреты ее запрещено было выставлять, потому что все влюблялись без памяти и в эти неодушевленные произведения искусства.

Сколько женихов к ней сваталось – не передать, и придворные давно со счета сбились, но принцесса всем отказывала и говорила, что ждет заморского принца такой же редкостной и неопишуемой красоты, какой обладала она сама. И так настойчиво это говорила, так твердо верила в то, что когда-нибудь принц явится, что убедила всех окружающих, и им не оставалось ничего другого, как забыть о сватовстве и ждать вместе с ней. Не знаем, как в жизни, но в сказках именно так и бывает: все, что страстно желается, то и сбывается. Хоть король и королева боялись, что их дочь никогда не дожидется своего заморского принца, но ей не перечили и вслух свои опасения не высказывали, а потому и были награждены за терпение.

В один прекрасный для всего королевства день появилась группа людей, усталых и измученных. Выяснилось, что это принц (в самом деле заморский), путешествуя с друзьями для утоления жажды познания мира, заблудился в горах и уже совсем отчаялся и приготовился погибнуть, как вдруг оказался в обжитом, богатом и плодородном крае, где его гостеприимно встретили и искренне были рады поддержать и помочь. Итак, принц явился, но вот беда, он был на редкость некрасив, одет как-то странно, и манеры его были тоже странные, так что мечта королевской дочери исполнилась только наполовину: принц-то и впрямь был самый настоящий, заморский. Король и королева получили бесспорные доказательства его высокого происхождения и даже слегка огорчились, поняв, что он когда-нибудь станет королем страны гораздо большей, чем их собственная, а потому придется навсегда расстаться с любимой и единственной дочерью, что совершенно ужасно и невозможно.

Королевская семья, свита, двор, народ – все притихли, ожидая решения принцессы и моля Бога, чтобы случилось чудо и брак не состоялся, тем более что, несмотря на чудесные качества, демонстрируемые принцем (сдержанность, учтивость, скромность, простоту и душевность), он был, по единодушному мнению всех от мала до велика, на удивление уродлив. Принцесса пришла в великое смятение, когда ей сказали, что прибыл заморский принц, сердце ее так бешено запрыгало в груди, что ей показалось – сейчас оно выскочит! Она еле-еле дождалась церемонии представления и, едва дыша, сидела в своем кресле возле трона родителей, когда дверь открылась и группа молодых людей вошла в тронный зал.

Опережая всех, к ней приближался юноша такого огромного роста, нескладного телосложения, худобы, со странно прилизанными бесцветными волосами, в такой блеклой и неинтересной одежде и с такими запавшими глазами, что принцесса от неожиданности замерла и даже не обратила внимания на его свиту, державшуюся от него, впрочем, на почти-тельном расстоянии. Король и королева тоже растерянно переглянулись; в зале же повисла

такая тишина, что слышны были малейший шорох и шелест. Как ни вышколены были придворные, но и они (принцесса-то это отлично видела) еле держались в рамках приличия.

Как заворуженные смотрели приближающийся принц и принцесса друг на друга, и от разочарования, а еще больше от отвращения к подобному уродству принцесса чуть не разрыдалась на глазах у всех. Принц тоже казался страшно взволнован, что, впрочем, было неудивительно. Перед ним сидела сама красота, его состояние было всем хорошо понятно. Он приблизился к трону, странно поклонился на свой иноземный манер и поднял глаза на королевскую семью. Что-то дрогнуло в его лице, когда он смотрел на короля и королеву, когда же он перевел взгляд на принцессу, непонятная гримаса исказила и обезобразила и без того уродливые черты его лица.

«Бедняга, – подумалось родителям принцессы, – он влюбился без памяти, что и следовало ожидать. Что же теперь делать, ведь такого уродца дочь ни за что не возьмет в женихи!», но это все было внутри, а внешне обе стороны начали рассыпаться в любезностях, выражая удовольствие от встречи. Отдышавшись и кое-как справившись с собой, принцесса заставила себя посмотреть на свиту принца. И вдруг, о чудо! Среди похожих в своем уродстве на своего повелителя лиц она увидела юношу необыкновенной красоты. Сердце ее снова задрожало, но на сей раз от восторга. Никогда еще не приходилось видеть ей такое совершенство, да и не было никого ему подобного во всем их королевстве. И рост, и манеры, и фигура, и движения – все было истинно прекрасно, все резко отличало юношу от окружающих его людей.

А он, очевидно, был очень важной персоной, это сразу бросалось в глаза. Когда он начинал говорить, все тут же замолкали, улыбались и кивали ему; со всеми он держался свободно и раскованно, они же, казалось, боялись к нему приблизиться и держались на почти-тельном расстоянии. Он единственный осмелился выйти из свиты, подойти к принцу и даже запанибрата положить руку ему на плечо. Принц только ласково и грустно улыбнулся в ответ на подобную, казалось бы, недопустимую вольность.

А как ловко и грациозно он двигался, какие великолепные манеры у него были и с каким изяществом, по всем правилам, заведенным в их церемониале, он поклонился королевской семье! Все у него получалось ловко, красиво и точь-в-точь так, как было надо, как будто он всю жизнь находился среди них и знал все эти тонкости. И телосложение у него было такое, какое и должно быть у юноши (а может, даже и лучше, чем у всех других молодых людей его возраста). Что поделать, природа иногда бывает несправедлива, одному все и сверх того, а другому ничего или больше, чем ничего, и с этим не поспоришь, бесполезно. Вот так и закончилась эта единственная встреча принца и принцессы. Принцесса была бы в полубморочном состоянии от ужаса, рожденного уродством принца, если бы не восторг от красоты незнакомого юноши, и этот восторг породил в ней ту самую любовь с первого взгляда, которая приключается не только в сказках (и многие из живущих на земле могут это подтвердить) и бывает один раз на всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.